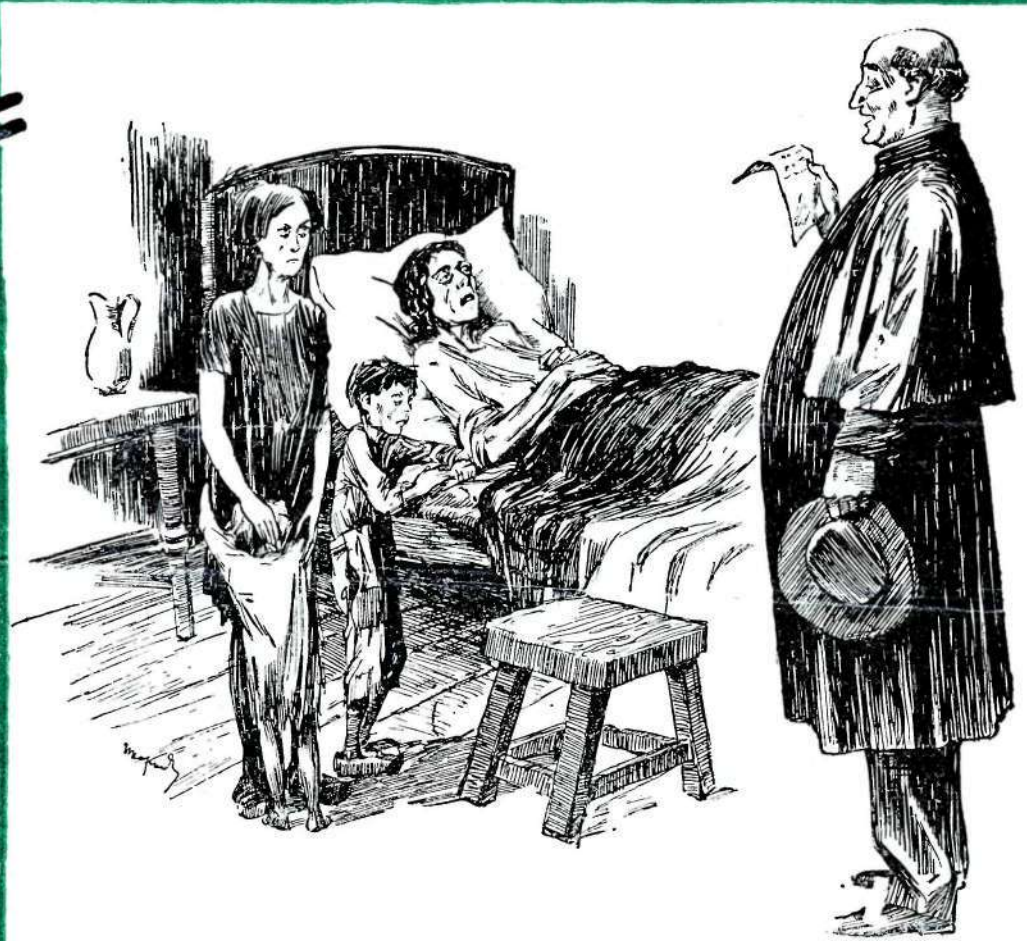

Вокруг Света

№ 11

ЗАДАЧИ по АЛГЕБРЕ

С ПОДРОБНЫМИ РЕШЕНИЯМИ,

предлагавшиеся на экзаменах

в ВУЗ'ах, профессора

Я. БЕЗИКОВИЧА.

524 задачи 524

Цена 2 р. 25 коп.

Налож. платежом

2 руб. 45 коп.

КТО ГОТОВИТСЯ В ВУЗ?

К задачки
рекомендуется
связанный с ним

КУРС АЛГЕБРЫ
того же автора
592 стр., 120 чертежей.
Цена 3 руб. 20 коп.
Наложным платежом 3 р. 40 к.

НАУЧНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского, 25/4.

ХОЗ. ДЕЛА в 1.600 руб. год. заработка наждов. Сборн. пособов замиточной жизни. 2 кн. и 2 псметы—желашщ. заработка—2 руб., прс. 65 к. в/пл. высыл.: Скл. П. Маргынова, Мещан. 6 1161. Москва.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“
на 1928 год.

НОВИНКИ!

Евдонинов. Практическая фотография, в 3 частях, 384 стр. 129 рис. 3 р. * Его же. Как получить хороший негатив. 80 к.
* Рудь. 2.000 практич. технич. рецептов. 3 р. 50 к.
* Дедрина. Кухня на плите и примусе. 560 мясных и вегетариан. блюд. 1 р. 21 к. * Фенгелюв. Ветродвиатели для мельниц, водокачек, станков и электростанц. 176 стр. 2 р. 50 к.
* Инейл. Мое выдолчение. 1 р. 25 к. * Янобзон. Окализм у мужчин и женщин. 2 р. 51 к.
* Федоров. Домашний ремесленник. Все ремесла в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., паренал., кузнечн., слесарн., паяние, лужение, никелиров., овчин., мылов., веревочн., рахмал., зерка., обувн., горчарн., печн., малярн., штукатурн., изготав. радиоприема. 3 р.

НОВЫЙ АЛЬБОМ РИСУНКОВ для ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Состав. художн. Тарананов. 3 р. (с пересылкой 3 р. 50 к.) Цены без пересылки. Высылает налож. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **А. С. СТЕПАНОВА**

ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Володарского, 31.

ПОЛНАЯ И БЩЕДОСТУПНАЯ ШКОЛА ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ В ТРЕХ КНИГАХ.

С многочисленными рисунками. Перевод нового популярного труда немецкого ученого Ганса Гюнтера. Все книги напечатаны и высылаются за 5 р. 50 к. Заказы и деньги адресовать: Москва, улица Герцена, д. 22/17. Книжное дело „ПРосвеще ние“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по устарелым МЕТОДАМ. Наилучшим признан новейший метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого яз., состоящий из 10 выпусков, в обработке Б. Шмелова, допущ. Госуд. Ученым Советом, высыл ется за 2 р. 85 к. Курс английского яз. в 60 лекциях высыл за 3 р. 15 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/17.

Книжное дело „Просвещение“

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

САМОУЧИТЕЛЬ

с всех ремесел в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечные, слесарные, паяние, лужение, никелиров., овчин., мыловар., веревочные, крахмал., веркал., обувн., горчарн., печн., малярн., шука урн., изготав. радиоприема. 148 рис. Цена с пер.сылкой 3 руб. 50 коп. Можно посылать мал. почт. марками.

Книжный склад „КНИГОВЕД“
Москва, 19, улица Герцена, 22/26.

ИЗДАНИЕ 1928 ГОДА АЛЬБОМ РИСУНКОВ художника А. А. ТАРАКАНОВА для ВЫПИЛИВАНИЯ ИЗ ДЕРЕВА.

30 листов большого формата (67 X 41 см), в изящной папке. Цена с пересылкой 3 р. 60 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

ПРЪЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ в ЖУРНАЛ „ВОКРУГ СВЕТА“

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, Пр. 25 Октября, 68. Т. 187-99.
МОСКОВСК. ОТДЕЛЕН.
Москва, Советская пл., 34 Тел. 4-18-65.

Вниманию подписчиков!

15 марта наступает срок второго взноса в два рубля, для подписавшихся на „Вокруг Света“ в рассрочку.

Ввиду большого наплыва переводов к этому времени издательство, в целях ускорения высылки журнала и приложений, убедительно просит подписчиков при переводе денег обязательно указывать „второй взнос“, а также номер, помещенный в левом углу ярлыка.

Не внесшим к 15-му марта денег, высылка журнала и приложений будет прекращена.

Деньги переводить по адресу: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Издательству „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ!

Приложения за МАРТ месяц:

№ 5 „Новые приключения капитана Кэтль“— К. Хайна будет р зрслано с № 12 журнала.
С № 13 будет разослано приложение № 6 „Дом без ключа“— К. Биггерса.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ за 1927 год

ДВА ПОСЛЕДНИХ ПРИЛОЖЕНИЯ: „Велосипед“ и „В мастерской туриста-спортсмена“ высылаются издательством в МАРТЕ.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лгр., Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 11

1928 г.

МАРТ

17

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: И. Ванин. „В Индию“. — Ф. Доброхотов. „Честь мертвого“. — Д. Честертон. „Зеркало судьбы“. — В. Правдухин. „Заколдованный ток“. — М. Зуев-Ордынец. „Узники океанской Бастилии“.

В Индию

Путевые очерки
И. ВАНИНА.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Калькутская станция находится по ту сторону широкого рукава Ганга, именуемого Хугли. Громадина моста, соединяющего обе части города, резко, черным силуэтом, выделяется на оранжевом фоне вечернего неба. С его высоты мы смотрим вниз на идущие по реке океанские пароходы, на высокие мачты парусников.

Подъезжаем к вокзалу и идем по перрону вдоль стоящего поезда. Вот темнокоричневые, лакированные вагоны с английской надписью «для джентльменов»; рядом такой же с надписью «для лэди».

Заходим внутрь. Каждый вагон состоит лишь из двух купэ с кожаными диванами, электрическими вентиляторами, темносиними, защищающими от солнца стеклами в окнах. При каждом купэ — вполне оборудованная уборная, с ванной и душем. Белья на ночь, однако, не полагается, ибо каждый пассажир везет с собой матрац, подушки и т. п. Устраивает пассажира на ночь не проводник, а собственный «бой» (прислуга), обязательно сопровождающий его в поезде. Дамы возят с собой

Как же выглядят эти другие вагоны предназначенные для туземцев. Прежде всего, бросаются в глаза красующиеся на них надписи: «для самцов» и «для самок», ибо таков смысл английских слов males, females, не соответствующих переводу «для мужчин, для женщин». Сами вагоны внутри весьма далеки от комфорта, имеющегося у «белых». Это нечто вроде наших теплушек, только со скамейками.

На всех станциях существует сложная система буфетов: особо для европейцев, особо для мусульман, особо для индусов высших каст и, наконец, отдельно для низшей касты. Вдоль поезда шныряют продавцы пальмового вина «тодди», иногда предлагают и свежие кокосовые орехи, чрез дырки которых льется освежающий сок. Фруктов, вообще, масса, притом совершенно неизвестных в Европе,

Бепин-Гандра-Пал, один из вождей индийских националистов

женскую прислугу — «амма». Едут прислужающие, конечно, в другом вагоне, ибо в описанные купэ допускаются одни лишь «белые».

Лорд Керзон, б. вице-король Индии

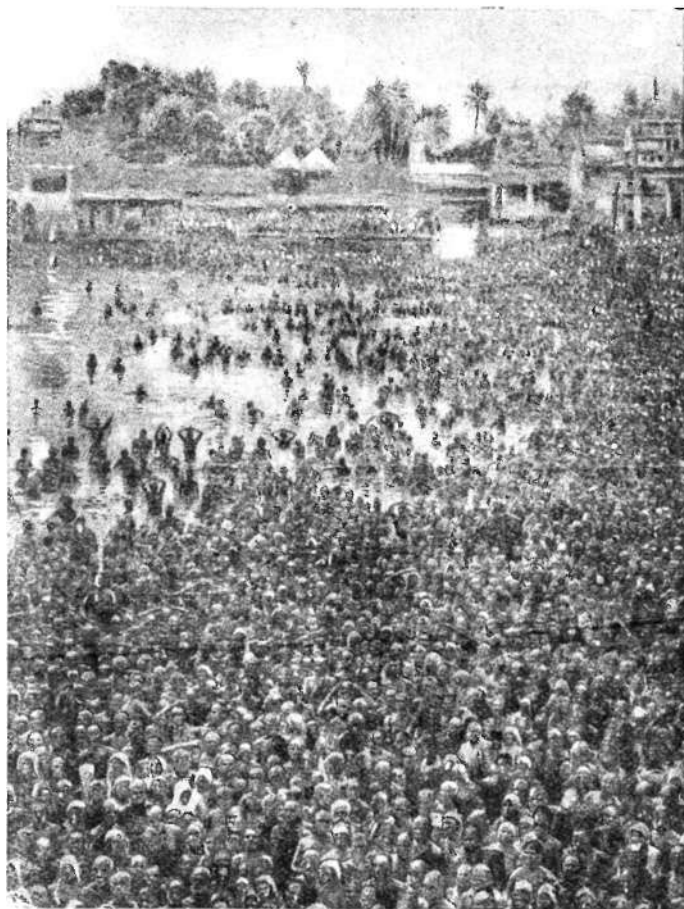
как, например, «папайя» — вкусом, как дыня, но растущая на дереве, — или «манго» — нечто вроде сливы, но только величиной со здоровый кулак. Не говорю уж о бананах и финиках.

Поезд идет быстро, мелькают возделанные поля, из болот выглядывают морды купающихся буйволов, проносятся деревеньки, домишки с соломенными крышами, расположенные под пальмами....

БЕНАРЕС.

«Священный город» индусов, сосредоточие всяческого обмана и надувательства народных масс. Повсюду продажа икон из жести и фольги с изображениями индусских божеств Браммы, Вишну, Шивы. Кроме главных богов, есть еще целая куча богов и боженят помельче, начиная от богини Кали и кончая богом со слоновым хоботом — Ханешом.

Сами индусы, в зависимости от касты, поклоняются больше то одному, то другому богу. Кастовая система, пер-

Купание правоверных индусов в „священной реке“ Ганг в Бенаресе.

воначально создавшаяся на основе различия между завоевателями-феодалами и подчиненными племенами, мало-помалу разрослась в сложнейшую религиозно-кастовую систему, когда каждое ремесло, каждое занятие выделилось в застывшую ремесленно-церковную касту, не смешивающуюся с прочими иными, их презирающую и, в свою очередь ими презираемую. Одна лишь высшая каста «браминов» пользуется особыми преимуществами, вплоть до того, что имела — до самого последнего времени — право убить того человека нижней касты, тень которого, упав на брамина, «осквернила» его.

Члены разных каст по разному раскрашивают свой лоб — то красная точка, то синий треугольник. Женщины же, помимо колец в носу, пудрят себе все лицо желтым порошком — и, очевидно, в таком виде своим кавалерам нравятся.

По улицам Бенареса вечно снуют религиозно-фанатичная толпа, направляясь к реке Гангу. Там происходит публичное сожжение трупов, которые для этой операции свозятся в Бенарес из всей прилегающей к Гангу провинции.

а иногда и из более дальних мест. Закутанные и упакованные в белую материю они напоминают «муравьиные яйца», которые отовсюду перетаскиваются чернокожими полуголыми, длинноногими индусами-муравьями. На берегу Ганга раскладывают костры, и, проезжая по реке, вы повсюду, между полуобвалившимися, подмытыми рекой старинными храмами, видите подымающиеся клубы дыма: это индусы поджаривают своих покойных родственников, чтобы в полуобгорелом виде сбросить их в «священную реку» — несущую трупы, по их мнению, прямо в рай. На деле же трупами плотно закусывают гангские крокодилы...

Недалеко от мест сжигания трупов вы можете наблюдать массовые сцены купания индусов и индусок в священном Ганге. Это купание помотает от всех болезней и «священная водица» Ганга продается во всей Индии, так же, как у нас когда-то продавали «иорданскую воду», «палестинскую землю» или «звон соломонова храма в бутылке»...

ФАКИРЫ.

Специалистами по части чудотворных трюков являются факиры. Они делятся на два сорта — пассивных и активных шарлатанов.

Пассивные, просто бездельники, выдумывают что-либо поразительное тупоголовых почитателей в целях убеждения их в своей святости. Один, например, месяцами лежит на доске, утыканной гвоздями. Густота гвоздей и мозоли, мало-помалу образовавшиеся на его спине, предохраняют факира от уколов, а богомольные старушки, ахая и охая, наполняют мелкими монетами стоящую около него чашку для подаваний.

Другой факир уже несколько лет не разжимает кулаков и ногти его пальцев проросли через его ладони, выйдя на другой стороне наружу. Нет слов, терпение нужно большое: чего, оказывается, человек не в состоянии вытерпеть... только бы не работать. Ибо и этот факир живет, конечно, за счет нищенства.

Интереснее активные шарлатаны, фокусники и кудесники. Перед нами, на улице, один из них плюет на землю, сажает плодую косточку и покрывает ее платком. Магические телодвижения, бормотание молитв — все, как полагается... Через 10 минут он приподымает платок и — о, чудо — под ним целое деревцо...

Беда та, что, при внимательном рассмотрении, некоторые листья деревца оказываются объеденными гусеницами, что, очевидно, не могло произойти за 10 минут чудесного произрастания. Пойманный на этом кудесник конфузится и стушевывается. Зрители, однако, остаются при убеждении, что только этот факир жулик, а остальные, понятно, святейшие люди и у них происходят «настоящие» чудеса...

Такого же жульнического характера и знаменитое заклинание змей. Эгих животных факиры дрессируют, приучая получать пищу под звук свирели (совершенно тот же «условный рефлекс», как в опытах проф. Павлова с собаками) и потом подзывают их из корзины) перед публикой под музыку той же свирели. А иногда факиры шарлатанят еще хуже: сами, при содействии прислуги, пускают прирученную змею в сад или в дом суеверного индуса (а то и «белого») и затем «находят» и «заклинают» змею звуками «чудесной» свирели. Вполне понятно, что религиозный человек, готовый верить в идолов, в молитвы, легенды и т. п., самым легким образом поддается и вере в «чудеса», продаваемые фокусниками-факирами. В этом отношении темный индус мало чем отличается от «просвещенного», но мистически-поповски настроенного англичанина, готового повсюду распространять басни о «сверхестественных» силах факиров, йогов и т. п. Недаром целая группа полусумасшедших английских старух и старцев готова искать в Индии «истинную веру», как подобные же другие группы носятся с «буддизмом», «парсизмом», «ведизмом» и прочей восточной поповщиной.

У РАДЖИ.

Недалеко от Бенареса, по ту сторону Ганга, проживает местный царек, раджа. Хитроумные англичане, производя стрижу индусского стада, оставляют немного шерсти для туземных царьков, лишенных на деле всякой самостоятельности. Даже при тех из них, у которых сохранились кой-какие права на непосредственный грабж «своего народа», содержатся английские «советники», крепко держащие их за узду.

Въезжаем в широкие ворота, за которыми открывается тенистый сад, с фонтанами, павильонами и т. п. Позади находится дворец. Идем в парадные комнаты, наполненные всякой дребеденью: тут и часы, и птичьи клетки, и гнутая мебель из Вены. Стоят чучела солдат в разнообразных ко-

стюмах, какие-то восковые бюсты девиц, как у «ас в окнах парикмахерских. Наверно так выглядели палаты русских царей с «заморскими» подарками в XVI веке...

Сам великий раджа («Махараджа») получает от англичан пенсию в сто тысяч стерлингов ежегодно (миллион рублей)... Следует думать, что индусский народ, расправившись с англичанами, не замедлит избавиться и от этих собственных паразитов!

Покуда же раджа занимается тем, что устраивает себе поездки в Европу, играет там в рулетку, на скачках и содержит несколько парижских танцовщиц. Совершенно на манер наших великих князей и дворян во времена самодержавия...

Когда англичане начали мало-по-малу захватывать Индию, то все эти раджи, ханы и шахи предавали друг друга чужеземному завоевателю, дрались между собою и в результате пошли теперь сами на содержание к английскому правительству.

Единственным нынешним их занятием в самой Индии являются парадные выезды на слонах, выражение верноподданнических чувств английскому вице-королю и проедание денег, отпускаемых им английской казной.

У бенаресского раджи имеется трон, усыпанный бриллиантами (фальшивыми, так как настоящие были украдены английским солдатом в XVIII в.); кроме того, он является счастливым обладателем официального гарема из 10 жен, охраняемого 4 евнухами, безбородыми одутловатыми и желтолицыми скопцами, разгуливающими с разочарованным видом по дворцовому саду...

АМРИТЦАР.

Мы на улице одного из наиболее промышленных городов центральной Индии. Текстильные фабрики, железнодорожные мастерские, значительное количество рабочих, при чем многие из них мусульмане. Последние зачастую на много энергичнее, чем индусы. Объясняется это тем, что мусульмане Индии по большей части происходят от воинов (венных кочевников севера, потомков завоевателей; индусы же, особенно на юге, много столетий находились постоянно под феодальным ярмом, выработавшим в них покорность и подчиненность.

Здесь, в Амрицаре, находится знаменитая площадь Джалиенвала-Баг. Она окружена зданиями и каменным забором, представляя собой настоящую западню. Тут, на этой площади, имело место индийское 9-е января: расстрел генералом Дайером многотысячной толпы индусов, пришедших мирно демонстрировать в честь «свараджа» — самоуправления Индии.

После этого расстрела расклевывавшие солдаты английской армии продолжали несколько дней издеваться над терроризированной толпой — ряд улиц индусы имели возможность проходить лишь ползком, на основании специального приказа. На глазах стояли английские солдаты с хлыстами, нещадно избивавшие каждого индуса, осмеливавшегося появиться на указанных улицах не на четвереньках...

Генерала Дайера, эту озверевшую скотину, англичане поторопились убрать, но впечатление от амритцаровского расстрела осталось навсегда в памяти у каждого индуса...

Мы идем по широкому улицам торгового города, по узким переулкам туземного «базара», наблюдаем кишашую толпу, в которой по прическе, по чалме, по значкам на лбу легко отличить религию, касту, социальное положение каждого встречного.

Заходим в кофейную, выпить густого, как патока, турецкого, кофе, которое готовят здесь же на плите и по-

дают в крошечных чашечках. Европейец здесь редкость; при нашем входе все разговоры замолкают, на меня направляются враждебные взгляды. Но мой спутник-индус бросает замечание, из которого легко понять, что я не англичанин. Внезапная перемена настроения: присутствующие сразу становятся дружелюбными, к нам подсаживается смуглый бородач в белой перевязи через плечо — признак образованного индуса — и у нас начинается разговор:

ГАНДИЗМ.

— Мы индусы, — говорит наш собеседник, — один из старейших культурных народов. Когда европейцы еще были дикарями у нас существовала богатая литература и оригинальное искусство. Индия дала вкусить своей цивилизации Египту, Персии Тибету и Китаю. Но нас завоевали дикие кочевники и наша культура застыла, окаменела. Страна распалась на массу мелких царств, легко ставших добычей сперва португальцев, потом французов и, наконец, англичан. Многие индусы мечтают о восстановлении «золотого века», когда свободный крестьянин сам выдвигал все нужное для своего хозяйства, не нуждаясь ни

в купцах, ни в городах. Протест против англичан, английских машинных товаров нашел свое выражение в этой мечте. Один из вождей индусского народа, Ганди, выразил ее в желании, чтобы каждый индус носил лишь домотканное платье работал ежедневно на домашнем ткацком станке, так называемом «чарке»...

— Каков же успех этой пропаганды?

— Весьма небольшой. Рукодельные материи по-прежнему, обходятся на много дороже машинных и представляют собой лишь демонстрацию, а не экономическое оружие борьбы. Это понял и сам Ганди, введя, в свою программу «отказ от сотрудничества с англичанами»:

Ни один индус не должен занимать какие-либо должности, выполнять какие-нибудь общественные обязанности совместно с англичанами...

— А результат этой меры?

— Также небольшой. Для англичан важны прежде всего финансы и армия с полицией. В этих областях они имеют своих чиновников и офицеров, обходясь охотно вполне без индусов. Что касается же хозяйства и обучения, то отказываясь от работы в этих отраслях, индусы прежде всего наносят вред самим себе, весьма мало досажая англичанам.

— Каковы же успехи гандизма?

— Одно время они были велики, вся Индия увлекалась проповедью Ганди. Но вскоре наступило разочарование. И хотя Ганди продолжает пользоваться всеобщим уважением, особенно после преследований, которым его подвергло английское правительство, но сам гандизм, как политическое течение, теперь не играет роли.

— Что же заменило его?

— Различные, более отчетливые классовые формы борьбы. Торговцы, интеллигенция, часть крестьянства поддерживают Национальный Конгресс, организацию, различными способами, но главным образом легальными, борющуюся за политическую самостоятельность Индии. В этой борьбе намечается более левое, радикальное крыло, по существу и группа богатых индусов, стоящая за поддержание известных связей с Англией.

Наряду с этими буржуазно-национальными течениями растет ежедневно рабочий класс, все более организующийся в союзы и политически осознающий себя. Индусские рабочие слышали о победе рабочего класса в Советском Союзе, о национальной политике, проводимой им на Во-

Толпа индусов избиваемая полицией.

стоке, и начинают понимать, что лишь на подобном пути лежит разрешение сложнейших вопросов, стоящих перед многосотмиллионной Индией.

ЛУКНОВ.

Английский гарнизонный город в Индии, оплот гнета завоевателей. По улицам разгуливают чопорные английские офицерские жены, английские офицеры разъезжают на откормленных лошадях, играют в крокет, в лаун-теннис, в поло...

Английская колониальная жизнь размерена по часам. Рано утром, натощак, чашка крепкого чая и какой-нибудь фрукт. Затем ванна, душ и гимнастика. В 8 ч. завтрак («тиффин») из 5 — 6 блюд, в том числе горячих. В 12 ч. второй завтрак, опять-таки из целого ряда блюд, особенно из разного рода приготовленного по индийски риса с пряностями; так наз. «карри». В 5 часов чай, с бутербродами и печеньем. В 8 часов полный обед, на который мужчины являются в смокинге и крахмальном белье, а дамы в балльном платье с вырезом...

И так каждый день. Когда же они работают? Так как жара в Индии даже зимой, в январе, сильнее, чем у нас, скажем, в июле месяце в Москве, то англичане работают утром между первым и вторым завтраком, потом ложатся отдыхать и вновь работают, когда жара спадет, между чаем и обедом. Так живут высшие чиновники, офицерство. Туземцы же отсиживают положенное время в любую жару, еле спасаясь от нее особыми опахалами, так называемыми «паша», представляющими собой род паруса, свисающего в присутственных местах с потолка и приводимого в постоянное движение при помощи веревки каким-либо несчастным полуголым индусом-служащим за пару копеек заработка...

Питание индусов сильно отличается от кормления их английских хозяев. В то время, как последние обязательно несколько раз в день едят мясо, иногда даже доставляемое в Индию в замороженном виде из Австралии, индусы ограничиваются чисто вегетарианским питанием, парой пригоршней риса, к которому изредка добавляют немного козлятины и то, главным образом, у мусульман. Ибо индусу запрещает религия есть говядину (помните «священных коров»?), а мусульманин не может есть свинину. Правда, и это самое главное, — у большинства индусов нет денег ни на то, ни на другое...

Как раз здесь в Лукнове, отвращение индусов к животным продуктам сыграло историческую роль.

ВОССТАНИЕ СИПАЕВ.

В 1857 году недовольство индусов английским владением достигло большого напряжения. Появился туземный вождь Нана-Сахиб, который начал организовывать восстание против чужеземных захватчиков. В войсках,

набранных англичанами из индусов, началось брожение. Среди них, в удачный момент, был пущен слух, что розданные им англичанами патроны смазаны коровьим и свиным салом. Возник местный солдатский бунт, быстро перешедший в широкое восстание, которое англичанами удалось подавить лишь с величайшим трудом...

В Лукнове, в центре этого гарнизонного, скучного города до сих пор сохраняются развалины крепости, в которой в течение 2-х месяцев выдерживали английские офицеры осаду многотысячного восставшего против них собственного войска. Только отсутствие артиллерии у оса-

Арестованный индус перед следователем.

ждавших помешало им захватить Лукновскую крепость. А затем подошли английские войска на подмогу осажденным и учинили кровавую расправу с восставшими индусами...

Если англичане с торжеством глядят на остатки Лукновской крепости, над которой бессменно, днем и, в исключение из правил, даже ночью развевается английское знамя, то каждый индус с горечью проходит мимо этого памятника национального поражения, неудавшейся попытки с оружием в руках свергнуть завоевателя.

Но пусть будет, вместе с тем, Лукновская крепость вечным напоминанием индийскому народу об его павших борцах за свободу, напоминанием о том, что их кровь не должна остаться не отомщенной, что Индия — до сих пор раба чужеземцев и что освобождение ее — все еще нерешенная задача...

ГОВОРИТ ЛИ ПТИЦА?

Новая научная загадка появилась за последнее время. В Американском Психологическом Обществе при Колумбийском университете была выставлена недавно небольшая птичка, по своей величине меньше канарейки.

Эта птичка возбудила общее любопытство тем, что владеет своим особым словарем, по крайней мере, из 300 слов, к которым она постоянно прибавляет еще новые.

Птичка является разновидностью африканского зяблика и, согласно д-ру В. М. Петтерсону, изучавшему ее в течение двух лет, она не просто поет для времяпрепровождения, но действительно говорит. Конечно, д-р Паттерсон не утверждает, что птичка говорит нашим языком или понимает обращенные к ней слова, но описывает только более 300 отдельных звуков, которые употреблялась зябликом за последние два года. Зяблик располагает алфавитом из 24 гласных и согласных звуков, которые и применяет для своего птичьего разговора. Когда обращаются к этой птичке, она отвечает собственными словами, а не подражает, как попугай, человеческому голосу.

Рассказ Ф. Доброхотова.

Рисунки И. Королева.

I

Снаряды противника методично попадали в уже наполовину разрушенную деревню, брошенную крестьянами еще несколько дней назад с плачем и проклятиями; ведь не так-то легко оставлять сколоченные годами и потом жилища.

Остатки полка жались около пока уцелевших или только частью разбитых построек. Но слишком ясно было, что пройдет очень мало времени и от деревни останутся одни развалины, а от остатков полка — может быть небольшая кучка живых и не раненых людей. Французская артиллерия где-то застряла и надежда на ее помощь исчезала с каждым снарядом противника.

Снаряды падали очень верно и почти с равными промежутками. Вот последнее-то и действовало на солдат хуже всего — как будто бы немцы знали, что французские солдаты потеряли надежду на свою артиллерию. Наконец, напряжение не выдержало и солдаты дрогнули, да и оставаться в таком положении дольше, было уже явной бессмыслицей. Шестерых беглецов ночь захватила в лесу. Они потеряли всякую связь с остатками полка. В какой они местности, близ каких дорог — разобраться было невозможно, потому, что никто из них не знал ни местности, ни расстояния, которое они пробежали и прошли от разрушенной деревни.

Утром, когда солнце сравнялось одной линией с вершинами деревьев, они проснулись. Голод давал знать о себе, но зато у них была бодрость, так как всю ночь проспали без всякой тревоги, чего не случилось с ними в течение последних трех недель. Посоветовавшись, они отправились искать какой-нибудь полк.

Генерал выслушал короткий рапорт и взглянул на стоявших в шеренгу шестерых солдат.

— А, не знают, где их полк! Этого не знают только дезертиры. — И, сдвинув брови, бесстрастно добавил: — Расстрелять!

Не ужас — если лопаются снаряды, земля дождем разлетается в стороны, сыпятся металлические брызги шрапнели, разорванные страшные остатки людей вместе с кусками одежды и обуви падают на живых. Ужас то, что они, шестеро, сейчас услышали. И стало им как-то непонятно: не то их внезапно сковало ледяной силой, не то, каким-то вулканическим жаром — даже ресницы на глазах не шевельнулись.

Только к одному Грансону быстро вернулось сознание.

— О-о!.. Мой генерал... Мы же не дезертиры!.. У меня дети!..

Генерал сердито подернул плечами.

— При чем тут дети?

А потом, чуть тронул шпорами лошадь. Она мягко взяла с места и пошла легкой рысью.

Стенящий звук вырвался у Грансона. Он как-то съезжился и медленно присел на землю.

— Мы не дезертиры же... Дети мои... дети...

Больше он не издал ни звука. Голова же у него утвердительно качалась, как будто бы она соглашалась с какой-то мыслью. Потом несколько пришли в себя двое. Один растянулся на земле, уткнувшись лицом вниз, другой — на коленях, точно во-время молитвы, вцепился пальцами в дерн и остался в таком положении. Вслед за ним опустились на землю и остальные.

Никто не говорил — говорить не о чем, можно только думать, если в голове еще шевелятся мысли. Около них стояли двое солдат с винтовками — часовые. Они стояли отвернувшись, чтобы не видеть осужденных, да и старались не смотреть друг на друга. И каждый проклинал данное ему поручение. С каким удовольствием воткнули бы они штыки в землю! Но у каждого осталась дома семья...

Так и прошло время, пока вблизи не послышались мерные шаги.

Лейтенант подошел к ним и сказал:

— Вставайте...

Они стали медленно подниматься, как больные тяжелой болезнью. Лейтенант терпеливо дожидался. После сказал:

— Встань там... к сену...

Он не мог оправиться с дрожью в голосе, а может быть и не думал подавлять дрожь.

— Кое-как они добрались до указанного места. Здесь они попробовали было подравняться в один ряд, но у них не вышло. Взвод солдат выстроился.

Лейтенант неуверенно скомандовал и ружья были взяты на изготовку. Тогда Мишель Ренар твердо проговорил:

— Стреляйте лучше, чтобы нам умереть сразу, а не мучиться... Но... клянусь своим сыном! Клянусь смертью!.. Мы не дезертиры...

Направленные на предстоящих мертвецов ружья, были не совсем горизонтальны: дула то выше, то как-то вкось, и у кого больше, у кого меньше вздрагивали.

Колеблющимся голосом лейтенант произнес последнюю команду и взвод, как по какой-то особенной, беззвучной команде, закрыл глаза. Залп вышел

разнобойный. Недвижимыми казались только двое, а четверо корчились в муках и стонали мольбой...

Дрожащей рукой лейтенант вырвал револьвер из кобуры и шагами полупьяного подошел к первому — нельзя было отказать человеку... Раздался выстрел и, первый получил последнюю милостыню. Со вторым труднее — лейтенанту пришлось действовать двумя руками, так как одна ни за что не хотела слушаться.

После второй милостыни, лейтенант вдруг коротким взмахом откинул револьвер и схватился за голову. Отойдя несколько шагов он выпянул руку и повел ею в воздухе. Невольные палачи поняли жест — двое еще металась между жизнью и смертью и нуждались в крохотной жалости. Но солдаты почти с искаженными от страха лицами отступили... Потом, не дожидаясь команды, повернулись и стали уходить, пригнув головы, точно бил их кто-то

по спидам. Лейтенант медленно следовал за ними.

У тех двоих жизнь еще напрягала бесполезные усилия...

Раздался выстрел...

К ночи шум почти затих, только с дорог доносились звуки передвижения, подготовки к боям завтрашнего дня. Те шестеро все еще лежали у кучи сена — не дошла очередь до кое-как выкопанной ямы. Но вот, один пошевелился... Потом голова немного приподнялась... Очевидно, прислушивался. После, бывший мертвец встал на ноги...

Из неверных выстрелов лишь одна пуля задела Франсуа Сантерра. И он упал, не от легкой раны конечно, а его свалил, как шквальным ветром, инстинкт жизни. Случилось же это совершенно помимо его воли. Так он и уцелел. Теперь же ему это казалось странным. Как же это так? Один из храбрых солдат полка, не боявшийся никаких положений на передовой линии, видевший смерть в течение иного дня десятки раз, здесь испугался смерти?

Как ни думал Сантерр, но все таки нашел, что, пожалуй, так и есть — он испугался. Да, конечно! Хотя... Был ли это испуг? Не хуже ли? И для чего он избежал смерти? Чтобы повторилась вчерашняя обстановка, когда его задержат? И не будет ли повторение еще ужаснее? Умереть так позорно, умереть дезерти-

ром, когда не был им... Надо бежать... Бежать дальше и найти другую смерть.

Он шел всю ночь, далеко обходя всякие огни — признак присутствия людей, часто останавливался, чтобы прислушаться — нет ли опасных для него звуков, и не доверяя даже своим ушам. День он провел в полуразрушенной мельнице. Легкая рана в руке стала разбалчиваться, но он почти не чувствовал этого.

У него не было ни желания есть, ни уснуть, так как все его существо сосредоточилось на одном — как бы не розыскала погоня, и слух болезненно улавливал всякие шорохи.

Прошел день, потом ночь, во-время которое он без передышки продолжал идти. К утру он добрался до расположения какого-то полка и решил, что, пожалуй, уже можно остановить свое бегство.

Он хотел говорить с адъютантом наедине. Ему разрешили. Он рассказал все, как было. Адъютант несколько нервно поправил усы.

— Что же? На войне приходится ожидать всего! Война не разбирает правых и виноватых. Можешь оставаться у нас, я занесу в списки полка. А дальше, конечно, поручиться нельзя... Ну! Все когда-нибудь, и где-нибудь умрем. А в твои годы..

— Мне двадцать шесть лет.

— Как? Двадцать шесть? Чорт возьми! Да ты же старик!

Сантерр не понял адъютанта. К вечеру же, когда он немного познакомился со своими новыми товарищами, он нашел у одного зеркало и взглянул... Да, да! Там отразился старик! Раньше Сантерр ни за что не поверил бы, что через две ночи в двадцать шесть лет можно иметь безукоризненные седины...

II.

Клодине официально объявили, что ее муж Франсуа Сантерр, казнен за дезертирство. Раздуваемое разными способами национальное чувство присутствовавших при этом крестьян выразилось в негодовании поступком Сантерра.

— Вот так герой, Сантерр!

— Отличился человек!

— И так поступает француз!

— Хорош твой муженек! — язвили женщины Клодину.

— Уж лучше бы тебе не жить в деревне со щенятами дезертира.

Клодина стояла среди толпы, как окруженная собачьей сворой, и почти теряла сознание. Известие о смерти мужа сдавило ее всю, точно какой-то цепью, и мешало дыханию, а подымавшаяся ненависть крестьян удваивала ее горе.

— Поздравляем, тебя, Клодина! Всех опозорил твой...

— Последняя фраза закончилась крепким словом. Толпа отозвалась злорадным смехом. Деревне было отчего злорадствовать: она не прощает вчерашних богачей, ставших сегодня бедными, она не прощает и вчерашних героев. Ведь не прошло и полгода, как Сантерр был в отпуску. И как тогда женщины деревни завидовала Клодине! Было почему — Сантерр имел знак отличия, знак храбрости, отваги. И сколько уважения оказывало тогда Сантерру патриотическое чувство деревни! А если бы он, недавний герой полка, недавняя зависть деревни и гордость Клодины, в силу какого-то неестественного обстоятельства, вдруг очутился бы теперь в деревне? Наверное, его утопили бы у плотины, как это однажды вышло с пойманным вором.

Клодина едва выбралась из толпы. Дети опасливо жались около нее, со страхом оглядываясь назад. И вслед неслись ругань и оскорбления. На своем дворе она опустила прямо на землю и дети непонятными глазами смотрели то на нее, то друг на друга: как это странно — мать как будто бы плачет и как будто бы нет, так как слез не видно. Или она плачет про себя? Трехлетний Жан, не признающий в свои годы ни материнского ни чужого горя или радости, тоже стоял в тупике. Он оглядел мать, брата, сестру и потом сосредоточенно стал сосать палец, как бы стараясь решить задачу — смеяться ли ему или плакать, пристать к матери с чем-нибудь или нужно молчать?

Ночь и следующий день прошли без сна — горе мучило. На вторую ночь, когда физические силы стали сдаваться перед нравственной пыткой и Клодина стала забывать в полусне, треснули и зазвенели стекла окна. Клодина вскочила и не могла сразу понять, что случилось. Дети проснулись испуганные. Она с трудом их успокоила и задумалась над случаем. Но думать тут много не приходилось: кто-то вспомнил ночью Сантерра, но так как последний был уже мертв, то побеспокоился об его семье.

Через день Клодине нужно было привезти хворост. Как и раньше, она зашла к соседке Пенсон, чтобы попросить ее присмотреть за детьми. Пенсон стирала белье и на приветствие Клодины, едва ответила; очевидно, была сердито настроена после почти ежедневных ссор со своей свекровью.

— Я к тебе с просьбой...

Пенсон молчала.

— Не посмотришь ли за моими детьми? Я за хворостом съезжу.

— Я сейчас кончаю стирать и ухажу по делу! — живо ответила Пенсон.

Это была слишком явная ложь — кто же начнет стирать большой ворох белья, чтобы после трех-четырех рубах, бросить стирку и идти по какому-то делу?

Зато другая соседка была прямее.

— Вот что скажу тебе, Клодина! Женщина ты хорошая, кто же скажет про тебя плохое? Ты мне не раз услужала, я тоже, что могла делала для тебя, но теперь... Мой старик все ругается... Ну, из-за этой истории с твоим Франсуа... Ты сама понимаешь... А потом, знаешь, мне самой как-то неудобно... Другие будут надо мной... как там... ну, смеяться...

В деревенской жизни существует масса мелочей, одолжений с соседями, и эти мелочи часто являются существенными. Клодине пришлось от них отказаться, и это было уже известным минусом для ее хозяйства.

Клодина пришла в лавку,

— Здравствуйте, мось Шамиенуа.

Лавочник что-то доставал с полки и, очевидно, не слышал ее приветствия. Потом он повернулся к прилавку.

— Дайте мне килограмм сахара.

— Сахару нет! — последовал короткий и сухой ответ.

— Жаль... Тогда сахарного песку.

— И песку нет.

— Что же мне делать?.. Тогда... А... ведь, вот у вас сахар в мешке?

— Да, но он уже продан.

— Продан?

— Да, да! То есть, он имеет быть проданным... только не в дома дезертиров. И я был бы очень рад, если бы вы вообще не приходили ко мне за товаром.

А потом и коровы Клодины сбавили молока. Деревенский пастух — бог и царь над коровами: если не взлюбит корову или ее хозяйку, так корова не будет наедаться досьга, значит, и молока не додоит. Пастух же был старый патриот и коровы вдовы дезертира ощутила на себе его патриотизм.

Дети не отставали от взрослых и очень скоро Луиза, выйдя с братишками со двора, услышала:

— Дочка дезертира!

— Эй, паршивцы дезертира!

У семилетней Луизы, на лбу стали появляться бороздки взрослой и она останавливала внимательный взгляд на постоянно озабоченной и удрученной матери, а ее душа, только начинавшая любить жизнь и мир, полностью сосредоточивалась на ней и почти не детская нежность проявлялась к маленьким братьям. Но темные глаза делались какими-то странно-загадочными, когда останавливались на соседях и на всех посторонних

Для Клодины оставалось одно утешение — церковь. Раньше она приносила туда свои надежды на скорое окончание войны и возвращение мужа. Теперь она собиралась нести свою скорбь и беду и хотела получить взамен какое-либо утешение, даже хотя бы временное. Но ей пришлось пропустить два воскресных дня, так как работа не отпускала. Наконец, она собралась.

Как и всегда, она заняла место сзади и в торжественной обстановке горе сделалось как-будто бы легким. Она отдалась молитвам... Какой-то обрядовый возглас кюре отвлек ее от молитв. Потом она оглянулась по сторонам. Что это такое? В церкви народу много, но около нее места свободные. Что это значит? Она еще раз оглянулась, а затем какое-то душевное волнение разлилось краской на лице. Она поняла... Ее позор не позволял верующим находиться рядом с ней, как будто от этого их молитвы не могли попасть по назначению. Клодина вышла из церкви. Вышла, чтобы больше не приходиться.

III.

Во время перестрелок, вылазок с рукопашными схватками, разведок, Сантерр чувствовал себя не плохо, потому, что никакая тревожная мысль не беспокоила его, и все его существо было охвачено лишь одним стремлением — вперед, вперед несмотря ни на что, пока его почти силой не сдерживали товарищи. Когда же наступало затишье, он делался самым угнетенным солдатом полка, дни и ночи был в трепетном

ожидании: вот-вот уже обнаружится, что он здесь, и за ним идут... Храбрость его часто была так безумна, что он получал выговоры. Но все таки, когда из глубокого тыла для пополнения убыли полка прибывали еще не видевшие боя солдаты, им всегда указывали на Сантерра, как на пример отваги и бесстрашия. Но сам он не видел своей храбрости, так как для него это было иное — отчаяние, страстное искание смерти, подготовляемое кошмарной возможностью снова встать под дула своих же товарищей.

За отличие Сантерру поручили полковое знамя и о неустрашимости знаменщика стали рассказывать уже чудеса, в других полках создавались легенды.

Немцы выбили полк с передовой линии и пришлось отступить. Через три дня французы бросились отнимать утерянные позиции. Схватка была сильная. Но, казалось, противник опять одолеет и придется снова отступать с уроном. И точно какая-то нерешительность пронеслась по рядам бойцов, как раздался вдруг призыв:

— Вперед!

И вслед за ним выдвинулся неустрашимый знаменщик и увлек за собою в самую гущу неприятеля товарищей. С новой силой поднялась бойня. Немцы разозлились и с полдюжины бросилось на знаменщика. Сантерр только приподнял выше голову...

Но вот револьвер в руке заколебался. Что это такое с ним? Соблазнительная мысль вихрем пронеслась в голове: если револьвер даст промах или просто опустится, то сразу все душевные муки мнимого дезертира кончатся... А увлеченные знаменщиком товарищи? А упавшее знамя, не убьет ли дух солдат?

Момент колебания был неуловим по времени. Почти в упор стали вылетать пули из револьвера и знамя не выпало из рук.

Время шло. Полк отвели в ближайший тыл для кратковременной передышки. Сантерру сказали:

— Ты можешь отправиться в отпуск...

Сантерр как-то сжался и едва проговорил:

— Нет, я не пойду!

— Станный человек! Уж кому там, а тебе надо отдохнуть.

Сантерр не смел и писать домой, не только идти в отпуск. Разве он посмел бы явиться в деревню? Разве для того, только, чтобы успеть обнять жену и детей, а вслед за тем идти между двумя жандармами...

Вечером Сантерр задумался. А после достал зеркальце и при свете стал разглядывать себя. К седым волосам прибавились ранние стариковские морщины на лице, как результат нервной измученности; кожа на лице стала какой-то грязно-серой, углы губ резко выделялись, а все вместе указывало так лет под пятьдесят, а возможно и больше. Где же тут Сантерр? Да, нет его! И вот, если бы сейчас прошла мимо него жена, посмотрела бы на него, узнала бы она своего мужа? Ни за что! А если жена не узнает его, то кто же еще — чорт побери! — может узнать?

Через несколько дней Сантерр неторопливыми шагами свернул с шоссе на дорожку в лес, прошел им некоторое время и остановился. Поле погружалось в вечернюю летнюю тишину, за ним виднелась родная деревня. Он прислонился к дереву и жадными глазами смотрел на исчезающую в густейшей темноте деревню. А когда она затерялась в темноте, он опустился на землю. Спать он не мог, да и сон вообще посещал его изредка, а не ежедневно. Все его существо охватила беспредельная грусть.

Время было покосное и потому в поле рано слышались голоса. Сантерр спрятался за деревом и ждал. К лесу примыкал его участок. Трава была уже скошена, часть сена увезена, а часть лежала в небольших копнах, очевидно, еще не совсем высушенная.

Он дождался, когда солнце согнало росу. На участок пришла Клодина с детьми. Она раскидывала сено для досушки, а Луиза играла с братишками на сене... Сантерр крепко охватил дерево одной рукой. Похоже было, что он боялся, чтобы что-нибудь не оторвало бы его от дерева и не бросило бы к жене и детям. И возможность этого то отгоняла кровь с лица и делала его бело-сероватыми и задерживала работу сердца, то усиленно подгоняла кровь к голове и лихорадила тело; Он готов был упасть.

Сантерр судорожно сжал себе горло рукой, чтобы сдерживать вырывающиеся рыдания. Мать и дети удалялись, а муж и отец следил за ними непередаваемым взглядом. Когда они скрылись в деревне, у Сантерра вырвался хриплый звук. Он сжал кулаки и поднял руки вверх, как бы посылая проклятья року или небу...

Он явился в полк, не используя и трети своего отпуска. Этому удивились, но приняли за особое рвение и исполнению долга солдата. И у него было рвение, только совсем иное. И как смерть ни виляла над ним, все таки она осталась в дураках: — он попал как-то под пулеметный огонь...

IV

— Вы спрашиваете, где живет вдова дезертира?

— Вдова Сантерра! — поправил адвокат Ривье крестьянку.

— Ну да! Это одно и то же. Идите дальше, по правой стороне восьмой дом.

Когда то хороший дом не видел хозяйского ухода и поправок несколько лет и от этого собирався стареть. Обстановка же внутри указывала на большой крестьянский недостаток.

Ривье вошел и опросил:

— Вы вдова Сантерра?

— Да,... я! — Клодина с трудом поднялась с лавки: она прихварывала и с недоумением смотрела на так хорошо одетого господина.

— Я — адвокат Ривье, мне нужно поговорить с вами...

Клодина вытерла стул с не совсем твердыми ножками и с немым извинением пододвинула посетителю.

— Я пришел к вам вот зачем. Война у нас давно уже кончилась, но остались некоторые печальные недоразумения. Вы, конечно, согласитесь со мной, что война очень ужасная вещь и несет за собой всевозможные жертвы... В числе жертв оказываются и совершенно невинные. Вот такой-то жертвой оказался и ваш муж...

Клодина утвердительно и печально кивнула головой.

— Тяжело мне вам сообщать... — продолжал Ривье. — Я должен сказать, что вы и все в вашей деревне очень ошибались, если думали, что ваш муж был дезертиром и за это... за это казнен...

— Он не был казнен, — тихо проговорила Клодина.

— Как? Вы это знаете? — удивился Ривье.

— Я получила от него письмо...

— Письмо?.. Позвольте! Когда же вы получили?

— Давно, несколько лет назад...

— Расскажите, пожалуйста, для меня это очень важно. Надо вам сказать, что я заинтересован его делом и его товарищей, также невинно пострадавших.

Дело будет разбираться в военном кассационном суде, а я выступаю защитником, чтобы восстановить их честь. Так как же с письмом вашего мужа?

— Он написал мне письмо и носил в кармане. Когда его убили, кто-то нашел письмо, и вот я получила...

— Мм! Выходит, довольно просто. А вы не сохранили письмо?

Клодина подняла голову, как бы удивляясь такому вопросу.

— Конечно!

— Пожалуйста, дайте мне прочитать его.

Она как будто бы заколебалась, но потом вынула из сундука сверток тряпок, осторожно развернула его и, как какую-то хрупкую вещь, положила письмо на стол. Ривье взял конверт.

— Что это за отверстия на нем...

— Это пробила пуля. А с той стороны немного крови... его крови...

Ривье показалось, что точно холодком повеяло на него. Он стал медленно читать письмо, написанное рукой, не совсем-то надежно державшей перо.

Сантерр подробно описывал, как он и его товарищи потеряли полк, случайно попались на глаза генералу, который признал их дезертирами, как их расстреливали, а он остался жив, как поседевший, убежал в другой полк и мучился; как ему хотелось домой, чтобы увидеть жену и детей; потом советовал по хозяйству и в конце надеялся, что ему скоро удастся умереть, а письмо, может быть, Клодина получит.

На отдельной бумажке было написано: «А больше всего, Клодина, старайся вырастить детей. Не знаю, как только сможешь. А после им скажешь, что я не был дезертиром. Как мне хочется увидеть и поцеловать вас всех».

На другой бумажке Сантерр написал, как он решил взять отпуск, был в лесу около своего участка, видел жену и детей, страдал при виде их, не смея показаться и обнять, как ему потом все таки стало легче, и посылает на память свои фотографии.

Ривье дочитал письмо, но еще держал перед глазами. Оно произвело на него впечатление, но он быстро справился с ним, помня советы своих старших и опытных коллег — не поддаваться никаким впечатлениям в делах своих клиентов. Его занимала другая мысль — какое впечатление будет от этого письма в обществе, в кассационном суде, где письмо явится канвой его защитительной речи. Надо полагать, что успех будет большой и он, Ривье, выдвинется среди адвокатуры.

Он сказал:

— Как же... как вы? Так никому и не показывали этого письма?

— Нет... Зачем? — проговорила Клодина.

— Позвольте! Да ведь вы... вас все считали вдовой...

— Вдовой дезертира!

— Столько лет! Столько презрения! И вам, и детям. Не понимаю, почему вы молчали?

— Я привыкла, Дети тоже...

— Привычка к такому отношению!.. Здесь нужно божеское терпение!

— А если бы не поверили письму?

— Не поверили? Не поверить человеку перед смертью! Хотя... Мм... А теперь дайте мне взглянуть на фотографию вашего мужа.

Клодина достала тщательно хранимые карточки.

— Чорт возьми! — воскликнул Ривье. — Он здесь действительно выглядит стариком, как пишет в письме. А ведь ему тогда было, если я не ошибаюсь лет двадцать восемь?

— Не больше. Скорее меньше.

— Однако! Да... конечно... Война! Одним словом объясняется многое.

Ривье опять предстала та замечательная речь, которую он произнесет в кассационном суде в защиту чести невинного Сантерра. Это письмо, в одну ночь состарившийся молодой солдат, столько лет молчания вдовы, презрение деревни, малолетние дети, недостаток — все это создаст большой шум в печати и обществе, а ему, Ривье — известность.

— Вы разре-

шите мне взять письмо вашего мужа, как одно из ярких доказательств? — спросил Ривье.

При этой просьбе Клодина с испугом взялась за конверт.

— Что вы! Разве я могу? Он же пишет, чтобы я сказала детям... Когда они будут больше, я покажу им письмо...

— Но поймите, что ваши дети и так скоро узнают, что их отец не был виновен. И дети, и ваша деревня, все решительно! Весь мир! Об этом же будет сообщено в газетах. А для суда такое доказательство очень важно.

Клодина, однако, ни за что не соглашалась отдать свою драгоценность. Ривье пришлось остановиться на копии письма и на переснимке фотографической карточки.

V.

У Ривье не собирался, так именуемый себя, высший свет — до этого, адвокат еще не дотянулся, — но все же у него бывало приличное, на обывательский взгляд,

Он стал медленно читать письмо...

общество. Гостей было много, но тема вечера — одна: предстоящий процесс невинно осужденных Сантерра и его товарищей. Ривье не скупился на устройство соответствующих вечеров, так как от этого зависело его будущее положение в обществе, не скупился и на слова в разговоре о предстоящем процессе.

Мадам Пенмори, жена прокурора одного из крупных городов, с томностью в кого-то влюбленной женщины, сказала среди повышенного настроения гостей:

— Я не могу себе представить, как бы мой Жорж стал обвинять этого... этого Сантерра.

Хотя дамы были более или менее ознакомлены с делом Сантерра и его товарищей по газетному шуму, но стали просить Ривье рассказать, как происходила казнь мнимых дезертиров и как Сантерру удалось избежать смерти. Ривье умел красочно описывать и его рассказ пощекотал нервы гостей.

— Боже мой, какое переживание! — воскликнула мадам Валетт, муж которой, полковник, занимал безопасное место в тылу во время военных действий.

— Кисть художника могла бы создать великолепную картину момента казни.

— А художник слова — замечательное произведение этого высоко-драматического момента.

Затем, Ривье рассказал, какие чудеса отваги прodelывал Сантерр в другом полку, как знаменщик, как нашел смерть и, наконец, драму его вдовы. Эта драма вызвала у некоторых дам на глазах слезинки.

— Бедная женщина!

— А дети!

— Какая нужна сила воли, чтобы пережить это!

Толстый Филипп Меркер, член палаты депутатов, проговорил:

— Газеты выражают надежду, что честь Сантерра и его товарищей будет восстановлена.

— Несомненно!

Процессом Сантерра занялось все французское общество. Таких процессов о восстановлении чести невинно погибших на войне от своих же пуль, пошла целая полоса — и громких и малозаметных, и газеты разных направлений подняли большой шум. Мертвого, разумеется, никакие кассационные суды ни земли, ни неба, не оживят, но почему же не восстановить их честь? Общество получит нравственное удовлетворение и семьи погибших также могут удовлетвориться..

Французская обывательница горячо увлекалась этими процессами, она приходила в умиление до слез перед такой подлинной мелодрамой — казнь невинного, оставшаяся без средств и влачившая жалкую жизнь его семья, клеймо позора и, наконец, восстановление чести, — есть от чего придти в умиление. Добродетель возвышена, а порок... порок не наказан.

Дело в том, что все внимание было сосредоточено на восстановлении чести погибших, но нигде, ни разу не проскользнуло слово «справедливость». Не потому,

что оно как-то не вспоминалось, а по той простой причине, что никому и мысли не приходило в голову о суде над виновниками невинно погибших: на войне — как на войне.

VI.

Генерал Бутегур сидел на веранде своей виллы. Он отпил из стакана кофе и принялся было за чтение газеты. Но скоро он швырнул газету и встал из за стола. Жена вопросительно взглянула на него.

— Чорт побери! Пишут, как будто бы больше не о чем и писать.

— Все об этом деле... как его? Сантерра?

— Да! Но причем же тут я? Чорт их знал, что они не дезертиры! Да где же было взять время, чтобы разобратсья? Тогда когда же воевать? Правда, газеты меня не обвиняют, но...

— Ты удивляешь меня! — спокойно заметила жена. — Зачем волноваться? Что же тут особенного? Жертва ошибки! Какая же война может быть без жертв? А затем, дорогой мой, ведь это ошибка генерала, а не солдата.

Луиза сидела около, постели и с немою тоской в глазах смотрела на лежащую в забытии мать. Мальчики стояли тут же. Их сердца почти рвались от слез, но они с недетским стоицизмом сдерживались, чтобы не тревожить мать.

Деревня растерялась, деревня ломала голову и не знала, чем загладить свою вину. После долгих размышлений, кюре все таки решился сделать первый шаг и два дня назад пришел к Клодине. На дворе его встретила Луиза.

— Я пришел к твоей матери...

— Она спит, ее нельзя тревожить!

Кюре помялся, что-то соображая.

— Не могу ли я... и все .. чемнибудь помочь?

На мгновение взгляд девочки вспыхнул странным блеском, а затем она ответила:

— Да, можете.

— Как? — с живостью спросил кюре.

— Дайте ей спокойно умереть!

Взгляды человека, искушенного в жизни и девочки, перевидевшей горя втрое больше своих лет, встретились. А потом кюре молча повернулся...

— Луиза глядела на мать. Наконец, Клодина открыла глаза.

— Мама, пришла депеша... Прочитать?

— Читай...

Ривье телеграфировал:

«Честь вашего мужа восстановлена. Поздравляю».

Клодина чуть шевельнула бровями. Все эта честь! Как они несносны со своими хлопотами о чести! Ведь она и без всяких хлопот скоро будет там, где и ее муж...

ХВОСТАТЫЕ ЛЮДИ

Природа любит иногда приподнять завесу своего прошлого и дать неожиданный пример первобытного происхождения того или иного своего творения. Так, напр., при скрещивании, наши прирученные породы голубей нередко воспроизводят дикие первобытные формы; случается, что из яиц белоснежных и красно-голубых голубей неожиданно выплывает темно-серая «каменная птица». Также и лошадь наша вдруг появляется иногда с полосами на шкуре, что, конечно, указывает на ее звероподобных предков.

У человека, наряду с некоторыми другими атавизмами, тоже наблюдались любопытные пережитки. Так, некоторые индивидуумы обладали ясно выраженным хвостом, тем же самым, какой мы видим в таком разнообразии у наших позвоночных животных.

В науке имеется сообщение о человеческом зародыше, который на четвертом месяце своего развития снабжен был длинным хвостатым отростком. В этом случае наблюдались такие мускульные сокращения, который могли быть только у животных, имеющих настоящий хвост. Другой ребенок на шестом месяце своего рождения все еще сохранял свой хвост в 7 сантиметров длиной, который затем ему отрезали. Это был вполне нормальный хвост и владелец его даже мог двигать им. Один 10-летний мальчик в Америке обладал хвостом в 25 сант. длиной.

Таким же возвратом к прошлому шляются также и волосатые люди. Так, напр. Ио-Ио — «Человек с собачьим лицом», полнейший идиот; или же Рам-а-Чана, цирковая звезда Ливерпуля, с длинными волосами по всему лицу.

Рассказ Д. Честертон.

Рисунки И. Колесникова.

Джемс Бэгшоу и Уилфрид Эндерхилл были старыми друзьями. Они любили бродить целыми ночами по улицам, болтая безумолку

и огибая один угол за другим в безмолвном, безжизненном лабиринте большого пригорода, в котором они проживали. Первый из них, высокий, темно-волосый, черноусый, добродушный мужчина, был профессиональным сыщиком; другой — чувствительный на вид джентльмен с острыми чертами лица и редкими волосами — сыщиком-любителем. Читатель несомненно удивится, когда узнает, что говорил сыщик-профессионал, а любитель слушал и притом даже с некоторым почтением.

— Наше ремесло, — говорил Бэгшоу, — это единственное ремесло, в котором профессионал, по всеобщему убеждению, постоянно ошибается. Никто никогда не пишет рассказов о том, что парикмахер не умеет стричь волос и ему помогает клиент; или скажем, о том, что извозчик не умеет управлять кэбом и седок посвящает его в управление кэбом. Но при всем том я не стану отрицать, что мы часто предпочитаем итти по проторенной дорожке; иными словами, мы имеем несчастье постоянно руководствоваться какими-то твердыми правилами и законами. В чем романтисты неправы, так это в том, что они вообще отказывают нам в праве руководствоваться ими.

— Шерлок Холмс, — заметил Эндерхилл, — несомненно сказал бы, что он руководствуется правилами и законами логики.

— Ну, возьмем к примеру следующий вымышленный, конечно, случай с Шерлоком Холмсом и профессиональным сыщиком Лестрадом. Шерлок Холмс может, скажем, догадаться, что какой-нибудь совершенно неизвестный ему человек, переходящий через улицу, иностранец только потому, что этот незнакомец, переходя через улицу, смотрит сначала направо, а потом налево. Я готов согласиться, что Холмс угадал правильно. Я уверен, что Лестрад никогда бы не догадался. Но, ведь, все упускают из виду, что полицейский сыщик, который не мог догадаться, мог зато знать. Лестрад знал, что этот прохожий — иностранец, по той простой причине, что он в пределах своего участка, должен следить за всеми иностранцами, — а кое-кто сказал бы: вообще за всеми жителями. Как полицейский, я радуюсь, что полиции стало многое известно, ибо всякому хочется делать свое дело безукоризненно. Но как гражданин, я нередко задаю себе вопрос: не слишком ли многое известно полиции.

— Неужели вы хотите этим сказать, что вам известен каждый человек в вашем участке? Стало быть, если бы вон из того дома напротив вышел какой-нибудь человек, вы могли бы сказать, кто он и что он?

— Да, если бы он был владельцем дома, — ответил Бэгшоу. — Этот дом арендуется неким литератором англорумынского происхождения, который обычно живет в Париже, но в данное время находится здесь в связи

Герой настоящего рассказа, патер Браун, хорошо известен советскому читателю.

Скромный католический священник и гениальный сыщик-любитель, он является героем нескольких книг одного из лучших английских писателей Дж. Честертон. Из последней книги «Тайна патера Брауна», которая выходит в этом году в качестве приложения к нашему журналу, и взят рассказ «Зеркало Судьи».

От своих предтеч — Дюпена, Шерлока Холмса, Ник Картера и др. патер Браун отличается прежде всего, глубоко человеческим подходом к личности преступника и блестящим аналитическим методом, который позволяет ему распутывать самые сложные преступления, не прибегая к выслеживанию, допросам и т. д.

В большинстве случаев патер Браун выступает в качестве беспощадного обличителя ханжества предрассудков и лживости современного английского общества, что делает рассказы о его похождениях еще более интересными для советского читателя.

«Зеркало Судьи» прекрасный образец блестящего стиля и сюжетного мастерства Честертон.

с постановкой какой-то пьесы. Зовут его Озрик Орм, он представитель новой школы и, кажется, его очень трудно читать.

— Ну, а другие жители этой улицы... — сказал Эндерхилл. — Я как раз думал, как странно, как ново и незнакомо все тут выглядит. Эти высокие белые стены, эти дома, затерявшиеся в садах... Вы не можете знать всех...

— Кое-кого я знаю — ответил Бэгшоу. — Вот эта стена, мимо которой мы идем, окружает владения сэра Хемфри Гвинна, более известного под кличкой «Судьи Гвинна» Это тот самый старый судья, который так шумел по поводу шпионажа во время войны. Соседний дом принадлежит богатому торговцу сигарами. Он родом из латинской Америки, очень смуглый и похож на испанца, но фамилия у него самая английская — Буллер. Следующий дом... Вы слышали шум?

— Да, я что-то слышал! — сказал Эндерхилл. — Но что, я не знаю.

— А я знаю! — ответил сыщик. — Это были два револьверных выстрела и крик о помощи. А донеслись они из сада судьи Гвинна, этого приюта законности и мира.

Он поглядел направо и налево и прибавил:

— А ведущие в сад ворота находятся с другой стороны, за полими. Эх, если бы эта стена была пониже или я полегче. А все-таки надо попробовать.

— Чуть дальше она пониже, — сказал Эндерхилл, — и там есть дерево, которое можно использовать.

Они побежали вдоль стены и вскоре достигли места, где она сразу, уступом, становилась ниже, точно уходя в землю. Садовое дерево свешивало на улицу ветви, позолоченные светом одинокого уличного фонаря. Бэгшоу ухватился за ветку и занес ногу над низкой стеной; в следующее мгновение оба приятеля уже стояли по колено в густой зелени, росшей под стеной сада.

Сад судьи Гвинна представлял собой ночью удивительное зрелище. Он был очень велик и лежал на самой окраине пригорода, окружая высокий темный дом. Дом был в полном смысле этого слова темный: все его окна закрыты ставнями, ни в одном не было света. Но сад, который должен быть еще темнее, сверкал мерцающими огнями, напоминая огни угасающего фейерверка; казалось, между деревьями догорала гигантская ракета. Когда приятели подошли ближе, они увидели, что свет исходит от множества разноцветных лампочек, развешенных на деревьях, точно драгоценные плоды Алладинова сада; особенно сильный свет исходил от маленького озера или пруда, который переливался бледным сиянием, словно в воде его горело электричество.

— Что, у него гости? — спросил Эндерхилл. — Сад иллюминирован.

— Нет, — ответил Бэгшоу — это его причуда! И, кажется, он любит так развлекаться именно тогда, когда один. Он устроил небольшую электрическую установку, вон в том бунгалу, где он обычно работает и держит все свои бумаги. Буллер — он его очень хорошо знает — говорит, что когда горят разноцветные лампочки, то это обычно значит, что судью не следует тревожить.

— Нечто вроде красного сигнала — заметил Эндерхилл.

— Да, и я боюсь, что это сигнал бедствия. — И Бэгшоу, внезапно бросился бежать.

Через мгновение Эндерхилл увидел то, что раньше него увидел Бэгшоу. Мерцающее кольцо огней, тянувшееся по отлогому берегу пруда, в одном месте было прервано двумя черными полосами, которые вскоре оказались длинными черными ногами человека, упавшего ничком головой в пруд.

— Идите сюда! — громко крикнул сыщик. — Это похоже на...

Его голос заглох; он побежал через широкую лужайку, слабо освещенную искусственным светом, напрямик к пруду и неподвижному телу. Эндерхилл побежал вслед за ним, но вдруг случилось нечто, заставившее его мгновенно остановиться. Бэгшоу, который летел, как пуля, прямо к черному телу на берегу светящегося пруда, внезапно повернул под прямым углом и помчался еще быстрее по направлению к темному дому. Эндерхилл

— Я не имею ко всему этому никакого касательства. А наткнулся на его труп и испугался. А явился я сюда, чтобы проинтервьюировать его для газеты.

— Когда вы интервьюируете знаменитостей, — спросил Бэгшоу, — вы всегда перелезаете через садовую ограду? — И он грозно указал на следы ног, тянувшиеся по тропинке к стене и обратно. Человек, назвавшийся Флудом, состроил не менее грозную мину.

— Интервьюер может перелезть и через садовую ограду! — сказал он. — Никто не откликнулся на мой стук у ворот. Слуга ушел из дому.

— Откуда вы это знаете? — спросил сыщик.

— Потому, что не я один перелез через ограду, — ответил Флуд почти неестественно спокойно. — Кажется, вы сделали то же самое. Слуга, во всяком случае, это сделал; я только-что видел, как он спрыгнул со стены у самых ворот.

— Почему же он не вошел в ворота? — спросил сыщик

Лежал, свесив голову в пруд.

никак не мог понять, почему он так резко свернул в сторону. В следующее мгновение, как только сыщик исчез в тени дома, из мрака донеслись звуки борьбы, проклятия, и сыщик вернулся, таща за собой упавшегося невысокого человека с рыжими волосами. Пленник, повидимому хотел скрыться в тени здания, но чуткое ухо сыщика услышало шорох в кустарнике.

— Эндерхилл! — сказал сыщик. — Пойдите, пожалуйста, к пруду и поглядите, что там случилось. А вы, кто вы такой? — спросил он, останавливаясь. — Как вас зовут?

— Майкл Флуд! — огрызнулся незнакомец. Он был необыкновенно тощ и мал ростом; крючковатый нос казался слишком большим на его бесцветном, как пергамент, лице, с которым как-то не вязались огненные волосы.

— Откуда мне знать! — возразил Флуд. — Потому, вероятно, что ворота были закрыты. Вы лучше спросите его, а не меня. Он как раз идет сюда.

И действительно, еще один силуэт появился на фоне мерцающего света — приземистый человек с квадратной головой: на нем был красный жилет — единственное яркое пятно на его обтрепанной ливрее. Он быстро направлялся, стараясь остаться незамеченным, к боковой двери дома. Бэгшоу крикнул, чтобы он остановился. Он подошел к ним весьма неохотно; у него было тяжелое желтое лицо азиатской складки и плоские иссиня-черные волосы.

Бэгшоу порывисто повернулся к человеку, именовавшему себя Флудом.

— Есть тут кто-нибудь поблизости, кто мог бы удостоверить вашу личность? — спросил он.

— Меня тут мало кто знает! — пробурчал Флуд. — Я совсем недавно приехал из Ирландии; единственный мой знакомый здесь, это настоятель церкви св. Доминика, патер Браун.

— Никто не должен уходить отсюда — сказал Бэгшоу и потом прибавил, обращаясь к слуге: — А вы пойдете в дом, позвоните в церковь св. Доминика и спросите патера Брауна, не может ли он сейчас же притти сюда. Только — помните — без штук.

Покуда энергичный сыщик принимал меры против возможных попыток к бегству со стороны кого-либо из задержанных, его спутник поспешил к месту трагического происшествия. Странно оно выглядело; если бы происшествие не было трагичным, оно казалось бы крайне фантастичным. Покойный (чтобы удостовериться в его смерти, потребовался самый поверхностный осмотр) лежал свесив голову в пруд; отраженные в воде лампочки окружали его голову неким подобием ореола. Лицо у него было худое и довольно мрачное; лысый лоб был окружен редкими седыми волосами. Несмотря на то, что пуля, попавшая в висок, обезобразила лицо, Эндерхилл без труда узнал хорошо знакомые ему по многим портретам черты сэра Хемфри Гвинна. Покойный был одет во фрак; его длинные черные ноги, напоминавшие своей худобой паучьи лапы, были широко раскинуты. Кровь очень медленно вытекала из раны змеистыми струйками и окрашивала освещенную воду прозрачным пурпуром закатных облаков.

Эндерхилл не знал, как долго смотрел он на это мрачное зрелище. Когда он поднял голову, то увидел, что рядом стоит группа из четырех человек; он был подготовлен к тому, чтобы встретить Бэгшоу и его пленника-ирландца; слугу он также без труда признал по красному жилету, но в четвертой фигуре чудилась какая-то гротеск-

ная торжественность, она как-то странно соответствовала фантастической обстановке трагического происшествия. То была приземистая фигура с круглым лицом, в шляпе, похожей на черный нимб. Эндерхилл догадался, что это священник; «о в этом священнике было нечто, напоминавшее старинную черную резную фигурку из Пляски Смерти.

Он услышал слова Бэгшоу, обращенные к священнику: — Я рад, что вы можете удостоверить личность этого человека. Но вы должны понять, что он до некоторой степени находится под подозрением. Разумеется, может быть, он ни в чем не повинен, но он пробрался в сад весьма необычным путем.

— Я тоже думаю, что он ни в чем не повинен, — сказал маленький священник, бесцветным голосом. — Но очень может быть, что я ошибаюсь.

— Почему вы думаете, что он ни в чем не повинен. — Потому, что он пробрался в сад необычным путем, — ответил священник. — Я, как видите, вошел в сад обычным путем. Но, кажется из всех нас, только я избрал этот путь. Повидимому, лучшие люди перелезают нынче через садовые ограды.

— Что вы понимаете под «обычным путем»? — спросил сыщик.

— Видите ли, — сказал патер Браун со смешной торжественностью, — я вошел в дом через парадную дверь. Я часто вхожу в дома таким путем.

— Простите, — сказал Бэгшоу, — но разве это так важно, как вы вошли?

— Да, я думаю, это важно, — мягко ответил священник. — Дело в том, что войдя, я увидел нечто такое, чего, как мне кажется, вы не видели. По-моему, это имеет некоторое касательство к происшествию.

— Что же вы видели? — Я видел картину полного разгрома! — сказал патер Браун своим мягким голосом. — Большое разбитое зеркало, опрокинутую пальму, черепки горшка на полу. Мне сразу показалось, что что-то случилось.

— Вы правы! — сказал Бэгшоу, помолчав. — Если вы все это видели, то совершенно ясно, что это имеет прямое касательство к преступлению.

— И так же ясно, что один человек не имеет к нему никакого касательства! — сказал священник. — И этот человек — м-р Майкл Флуд, который пробрался в сад необычным путем и тем же путем пытался покинуть его. И именно это убеждает меня в его невиновности.

— Пройдемте в дом! — отрывисто сказал Бэгшоу... Пока они проходили боковой дверью, знакомые только слуге, Бэгшоу отстал на несколько шагов и сказал своему приятелю.

— Станный он какой-то, этот слуга. Говорит, что его зовут Грин. Что-то не похоже... Странно еще то, что он утверждает, будто его хозяин вообще не был в саду — ни живой, ни мертвый. Говорит, что судья отправился «а большой банкет и собирался вернуться только через несколько часов. Потому он будто бы и улизнул из дому.

— А он объяснил, почему он вернулся домой таким странным путем? — спросил Эндерхилл.

— Нет, он не дал ни одного вразумительного объяснения! — ответил сыщик. — Никак не могу заставить его разговариваться. Он как будто чем-то напуган.

Пройдя боковую дверь, они очутились в конце холла, который тянулся во всю длину здания и заканчивался парадной дверью со стеклянным верхом, украшенным старомодным узором. Весь холл был освещен одной единственной старинной лампой, стоявшей на тумбе в углу. При ее свете Бэгшоу разглядел обломки, о которых говорил Браун. Высокая пальма с длинными листьями лежала на полу; темно-красный горшок, в котором она стояла, был разбит вдребезги. Черепки его валялись на ковре вперемежку с мерцающими осколками разбитого зеркала; почти совсем пустая рама этого зеркала висела позади них. Прямо против боковой двери, в которую они вошли, находился еще один ход во внутренние комнаты. В конце его виден был телефон, по которому слуга вызвал священника. Далее в приотворенную дверь виднелись длинные ряды кожаных переплетов — там находился кабинет судьи.

Бэгшоу стоял, глядя на разбитый горшок и осколки зеркала у его ног.

— Вы совершенно правы! — сказал он священнику. — Тут боролись и это была борьба между Гвинном и его убийцей.

— Мне кажется, — скромно сказал патер Браун, — что тут что-то произошло.

— Да, и очень ясно, что именно! — подхватил сыщик. — Убийца вошел в парадную дверь и встретился с Гвинном; вероятно, сам Гвинн впустил его. Завязалась отчаянная борьба; случайный выстрел разбил зеркало, хотя, может быть они просто разбили его во время свалки. Гвинну

удалось вырваться, и он побежал в сад; преступник погнался за ним и застрелил его у пруда. Таким мне рисуется самое преступление. Разумеется, надо еще осмотреть другие комнаты.

Другие комнаты дали, впрочем, очень мало материала, хотя Бэгшоу многозначительно указал на заряженный револьвер, лежавший в ящике письменного стола.

— Как будто бы он чего-то ожидал! — сказал патер. — Хотя странно, что он не взял револьвер с собой, выходя в холл.

Они вернулись в холл и направились к парадной двери. Глаза патера Брауна рассеянно блуждали по сторонам. Оба корридора, оклеенные одинаковыми серыми, выцветшими обоями, как бы подчеркивали пыльную, монотонную пышность старинных орнаментов, зеленую плесень бронзовой лампы, почерневшее золото пустой зеркальной рамы.

— Говорят, что разбитое зеркало, приносит несчастье! — сказал он. — Этот дом поистине похож на дом несчастья. Тут в самой обстановке, есть что-то...

— Странно! — резко прервал его Бэгшоу. — Я думал, что парадная дверь заперта; оказывается, она только прихлопнута. — Ответа не было; они вошли парадной дверью в ту часть сада, которая примыкала к лицевому фасаду дома. В одном конце ее стояла старая изгородь с проломом, напомиравшим вход в зеленую пещеру; в этом проломе виднелось несколько полуразрушенных ступенек.

Патер Браун подошел к пещере и, нагнув голову, вошел в нее. Прошло несколько секунд после его исчезновения; вдруг все вздрогнуло от удивления, услышав его спокойный голос у себя над головой: можно было подумывать, что он беседует с кем-то, сидя на верхушке дерева. Сыщик последовал за ним и установил, что эта курьезная крытая лесенка вела к разрушенному мостику, повисшему над более темной и просторной частью сада. Он оглядел угол дома и с него видны были разноцветные огни лампочек. Повидимому, это были остатки какого-то архитектурного каприза; зодчий вероятно, хотел построить целую террасу над лужайкой. Но Бэгшоу не думал об этом теперь. Он смотрел на стоявшего перед ним человека.

Этот человек невысокого роста, в светло-сером костюме, стоял к нему спиной, и единственной замечательной чертой в нем была грива волос, желтых и сверкающих, как головка одуванчика. Эти волосы стояли дыбом, создавая подобие нимба, и тем более разительны был их контраст с лицом, когда незнакомец медленно и как бы нехотя повернулся. Этот нимб, казалось бы, должен был окружать ангельское лицо. А лицо у незнакомца было немолодое и изборожденное морщинами, с мощной челюстью и коротким носом имевшим сходство с перебитым носом кулачного бойца.

— М-р Орм, знаменитый поэт! — сказал патер Браун так спокойно, словно он знакомил двух людей в гостиной.

— Кто-бы он ни был, — ответил Бэгшоу, — я должен попросить его последовать за мной и ответить на несколько вопросов.

М-р Озрик Орм, знаменитый поэт, отнюдь не мог служить образцом разговорчивости, когда дело дошло до распросов. В углу старого сада, в серых сумерках, перед тем, как рассвет забрезжил над массивной изгородью и разрушенным мостом, и потом, во всех стадиях официального допроса, становившегося для него все более грозным, он говорил только, что он хотел посетить сэра Хемфри Гвинна, но не выполнил своего намерения, потому что никто не откликнулся на его звонок. Когда ему указали на то, что дверь была фактически отперта, он хрюкнул. Когда ему намекнули, что он выбрал несколько поздний час для визита, он зарычал. То немногое, что он сказал, было весьма невразумительно — либо потому, что он не знал английского языка, либо потому, что знал его слишком хорошо. Как выяснилось, он придерживался весьма нигилистических и разрушительных взглядов, что вполне соответствовало тенденциям его произведений; поскольку в них можно было разобраться, казалось вероятным, что его дела с судьей И, возможно, стычка с судьей имели почвой анархизм. Гвинн был известен, как маниак, помешанный ныне на большевистских шпионах, как некогда он помешан был на немецких. Так или иначе одно совпадение, имевшее место вскоре после ареста Орма подтвердило уверенность Бэгшоу в том, что к его участию в этом деле следует относиться серьезно. Когда они вышли из ворот на улицу, они встретили еще одного соседа — торговца сигарами Буллера, замечательного своим сухим коричневым лицом и орхидеей в петлице. К вящему удивлению прочих, он приветствовал своего соседа-поэта, с самым непринужденным лицом, словно ожидал его увидеть.

— А вот и вы опять! — сказал он. — Долго же вы беседовали со стариком Гвинном.

— Сэр Хемфри Гвинн умер! — сказал Бэгшоу. —

Я веду дознание и принужден просить вас дать кое-какие объяснения.

Буллер окаменел, быть может, от неожиданности; он стоял неподвижно, как уличный фонарь рядом с ним. Красный кончик его сигары ритмически вспыхивал и тускнел, но бронзового лица его не было видно; когда он заговорил вновь, голос его звучал совсем иначе.

— Я могу только сказать, — промолвил он, — что когда я проходил по улице, два часа тому назад, м-р Орм входил в ворота сада сэра Хемфри.

— А он говорит, что не видел сэра Хемфри, — ответил Бэгшоу, — и даже не был в доме.

— Что-то слишком долго он стоял на крыльце! — заметил Буллер.

— Да! — сказал патер Браун, — на улице мало кто стоит два часа подряд.

— Я за это время заходил домой, — возразил торговец сигарами. — Написал несколько писем и вышел бросить их в ящик.

— Все это, вам придется повторить на суде — сказал Бэгшоу. — Спокойной ночи или, вернее доброго утра!

Судебное следствие, по обвинению Озрика Орма в убийстве сэра Хемфри Гвинна, которым в течение нескольких недель были полны все газеты, еще долго топталось вокруг этой краткой беседы под уличным фонарем, в час, когда серо-зеленый рассвет брезжил над темными улицами и садами. Все, в конце концов, сводилось к тайне, этих двух часов, с того момента, как Буллер видел Орма входящим в ворота сада, до того момента, когда патер Браун нашел его в том же саду. Несомненно ему хватило бы этих двух часов на убийство. Прокурор доказывал, что он имел полную возможность совершить преступление, так как парадная дверь была незаперта и боковая дверь в сад, тоже осталась открытой. Суд с величайшим вниманием слушал Бэгшоу, восстановившего полностью картину борьбы в коридоре, следы которой были столь очевидны: полиция даже нашла разбившуюся зеркало пулю. И, наконец, пролом в изгороди, в котором нашли Орма, несомненно служил ему в ту ночь, убежищем.

С другой стороны, сэр Мэтью Блэйк, талантливый представитель защиты, использовал эту последнюю улику в своих целях. «Чего ради, — спрашивал он, — человек станет прятаться в ловушке, не имеющей выхода, когда гораздо разумнее попытаться выбраться на улицу». Сэр Мэтью Блэйк очень сильно упирал также на то, что мотивы убийства невыяснены. И действительно, полемика по этому пункту между сэром Мэтью Блэйком и сэром Артуром Трэверсом, не менее блестящим представителем обвинения, принесла существенную пользу подсудимому. Сэр Артур мог только высказать предположение относительно большевистского заговора, что звучало довольно неправдоподобно. Но как только суд возвращался к таинственному поведению Орма в роковую ночь, обвинение опять торжествовало.

Подсудимый (подошел к свидетельской решетке, главным образом, потому, что его хитроумный адвокат опасался дурного впечатления, которое мог бы произвести на суд отказ от показаний. Однако, Орм отвечал столь же односложно на вопросы своего защитника, как и на вопросы прокурора. Сэр Артур Трэверс извлек величайшую пользу для обвинения из его упорного молчания, но сломить этого молчания не мог. Сэр Артур Трэверс был высоким, тощим мужчиной с длинным мертвенным лицом и являл собою разительный контраст полной фигуре и ярким птичьим глазам сэра Мэтью Блэйка. Но если сэр Мэтью был похож на воробья, то сэр Артур очень напоминал аиста и журавля. Когда он нагибался вперед, засыпая поэта вопросами, его длинный нос казался птичьим клювом.

— Не хотите ли, вы заставить суд поверить, — спросил он язвительно-недоверчивым тоном, — что ты вообще не попали в дом и так и не видели покойного?

— Да! — коротко ответил Орм.

— Кажется, вы хотели повидать его. Вам, должно быть, очень нужно было повидать его: вы битых два часа простояли перед дверью.

— Да! — ответил Орм.

— И все-таки вы не заметили, что дверь была отперта.

Зодчий, вероятно хотел построить целую террасу над лужайкой.

— Да! — сказал Орм.

— Что же вы делали эти два часа в чужом саду? — настаивал прокурор. — Ведь что-нибудь же вы делали, я полагаю.

— Да!

— Это секрет? — спросил сэр Артур с злобной усмешкой.

— Для вас секрет! — ответил поэт.

Именно на этом «секрете» и построил сэр Артур свою обвинительную речь. Со смелостью, которую кое-кто считал безвредной, он превратил отсутствие мотивов убийства, бывшее наиболее сильным оружием в руках его противника, в аргумент обвинения. Он истолковал кажущееся отсутствием мотивов, как первое доказательство широко задуманного и тщательно разработанного заговора, в сетях которого, как в лапах осьминога, погиб патриот Гвинн.

— Да, — восклицал он дрожащим голосом, — мой почтенный противник совершенно прав! Мы не знаем истинных причин убийства этого всеми уважаемого слуги общества. И мы не будем знать причин гибели следующего слуги общества. Если мой почтенный противник сам падет жертвой своего высокого общественного положения, если дикая ненависть, которую питают разрушительные силы ада ко всем представителям закона, убьет его, то он тоже не будет знать причин убийства. Половина уважаемых джентльменов, заседающих в суде, будет зарезана в своей кровати, и мы не будем знать причин. И мы никогда не узнаем причин и не сможем остановить волну убийств до тех пор, пока она не опустошит всю нашу страну, если защитите и впредь будет дозволено тормозить сговоренные баснями о «невьясненности мотивов», когда все данные следствия, когда все эти вопиющие несообразности, когда упорное отмалчивание подсудимого, говорят нам, что перед нами стоит Каин.

— Я никогда еще не видел сэра Артура таким возбужденным, — говорил Бэгшоу своим друзьям в кулуарах суда. — Кое-кто находит, что он перешел границы дозволенного и был более мстительным, чем полагается быть прокурору в таком деле. Но я должен признать, что этот карлик с желтыми волосами производил жуткое впечатление. И это его каменное молчание... Не стану отрицать, что в конце концов мне показалось, будто передо мной стоит существо чудовище. Если это только следствие красноречия сэра Артура, то он безусловно взял на себя тяжчайшую ответственность, вложив в свои слова, такую странность.

— Но он был другом бедняги Гвинна! — возразил Эндерхилл. — Один мой знакомый видел, как они шептались в сторонке после того рокового банкета. Потому-то, я думаю, он и вел себя так в этом процессе. По-моему, это еще не решенный вопрос, имеет ли человек в подобном случае право руководствоваться исключительно личными чувствами.

— Он и не стал бы этого делать! — сказал Бэгшоу. — Держу пари, что сэр Артур Трэверс не стал бы руководствоваться личными чувствами, как бы сильно ни переживал он гибель Гвинна. Он чрезвычайно строго относится к своей профессии. Это один из тех людей, которые остаются честными даже тогда, когда их честное уже удовлетворено. Я не знаю никого, кто защищал бы столь же ревностно свое общественное положение, как он. Нет! Вы сделали неправильные выводы из его громовой речи. Если он так разошелся, то это потому, что он думает, что ему удастся добиться обвинительного приговора, и потому, что он рассчитывает встать во главе политического движения, направленного против тех заговоров, о которых он говорил. Повидимому, у него есть веские основания добиваться осуждения Орма и не менее веские основания думать, что это ему удастся. Его уверенность сулит мало утешительного подсудимому.

Внезапно Бэгшоу заметил, что к кучке его слушателей присоединилась еще одна незначительная фигура.

— Ну, а вы, патер Браун! — сказал он, улыбаясь. — Что вы думаете о процессе?

— Видите ли, — ответил священник довольно рассеянно, — меня больше всего поразило, как мало похожи на себя люди, когда они надевают парик. Вы говорите, что прокурор выглядел очень грозно. Но мне удалось увидеть его, котла он на минуту снял парик. Право же, он выглядел совсем другим человеком. Во-первых, он совершенно лысый.

— Боюсь, что это не мешает ему быть весьма опасным для подсудимого, — ответил Бэгшоу. — Я полагаю, вам не удастся построить защиту на том, что прокурор — лысый.

— Не совсем так! — добродушно сказал патер Браун. — Я вот все думаю, как мало люди знают людей. Предположим, что я попал в какую-нибудь далекую страну, где никогда не слышали об Англии. Предположим, что я расскажу тамошним жителям, что у меня на родине существует человек, который не станет разбирать вопроса о жизни и смерти, прежде чем он не воодружит себе на голову сооружение из конского волоса с небольшими хвостиками позади и седыми буклями по бокам, как у старухи времен королевы Виктории. Они, пожалуй, подумают, что он просто эксцентричен; но он не эксцентричен, он только раб условности. Они будут так думать, потому что они не знают, что такое английский судейский, потому что они вообще не знают, что такое «судейский». Ну вот, а судейский не знает, что такое поэт. Он не понимает, что эксцентричные поступки поэта, показались бы совсем не эксцентричными другим поэтам. Ему кажется странным, что Орм два часа бродил по великолепному саду, ничего не делая. Но помилуйте! Поэт может гулять по саду хоть десять часов, если у него слагается в голове поэма. Защитник Орма, оказался точно таким же тупицей. Ему так и не пришлось в голову задать Орму единственный вполне очевидный вопрос.

— Какой же именно вопрос! — спросил Бэгшоу,

— Ну, ясно: какую поэму он создавал в это время? — нетерпеливо ответил патер Браун. — Какие строки он рифмовал, какой он подбирал эпитет, какую строфу отчеканивал? Если бы в суде нашлись образованные люди, знающие, что такое литература, они бы знали» точно, каким делом занимался Орм в саду. Вы спрашиваете мануфактурщика, каковы условия работы его фабрики; но никому не приходит в голову мысль об условиях, в которых фабрикуется поэзия. Она делается путем ничегонеделания.

— Все это очень хорошо, — сказал сыщик, — но почему он прятался? Почему он взобрался по этой старой поломанной лестнице и остался там? Ведь она никуда не вела

— Именно потому, что она никуда не вела! — страстно воскликнул патер Браун. — Всякий, кто пригляделся бы пристальней к этому входу в пустое пространство, понял бы, что поэт неминуемо пойдет туда, как пойдет и ребенок.

Он несколько секунд молча моргал, потом прибавил виноватым тоном.

— Простите, пожалуйста! Но мне так странно, что никто этого не понял. И потом там было еще одно обстоятельство. Разве вам не известно, что художник имеет на каждый предмет только один правильный угол зрения. Дерево, корова, облако означают для него что-либо только под одним единственным углом зрения, точно так же, как три буквы образуют слово только при одной определенной их расстановке. Ну, так вот! Вид иллюминированного сада с разрушенного мостика был единственный правильный на него вид. Это было нечто вроде сказочного ракурса: Орм как бы смотрел вниз на небо и видел звезды, растущие на деревьях, и сияющий пруд, упавший луной на лужайку, как в радостной детской сказке. Он мог бы смотреть на все это целую вечность. Если бы вы сказали ему, что та лесенка никуда не ведет, он ответил бы вам, что она повела его в сказочную страну на краю света. Но неужели вы думаете, что он сказал бы это, стоя у свидетельской решетки. Что бы вы про него подумали, если бы он это сказал. Вы болтаете о цеховом суде, почему вы не передали его суду поэтов.

— Вы говорите так, словно вы сами — поэт! — сказал Бэгшоу.

— Благодарите бога, что я не поэт! — ответил патер Браун. — Благодарите вашу счастливую звезду, что я милосердней поэта. Рок сжалился над вами; если бы вы знали, какое чудовищное, всепокрушающее презрение он испытывал ко всем вам, вы подумали бы, что на вас обрушилась Ниагара.

— Может быть, вы лучше меня разбираетесь в художественном темпераменте, — сказал Бэгшоу, помолчав, — но на все это есть один простой ответ. Вы можете только доказать, что он занимался в саду еще чем-то, кроме убийства старика Гвинна. Но так же верно и то, что он мог совершить преступление. Кто другой мог совершить его?

— А вы думали о слуге Гвинна? — задумчиво спросил патер Браун. — Он давал довольно путанные показания.

— А! — воскликнул Бэгшоу. — Вы думаете, что убил, в конечном итоге, Грин.

— Я твердо уверен, что убил не он! — ответил священник. — Я только спросил, думали ли вы о его показаниях. Он якобы вышел на минутку, не то за выпивкой,

Рассказ В. ПРАВДУХИНА

I.

Неделю скитаюсь с ружьем по Устюженскому уезду. Охота из шалашей на полевику 1) мало интересна: однообразна и неподвижна. Каждое утро осаждаю лесного деда Корнея настойчивыми просьбами сводить меня, наконец, в «Охотничий Бор» — на нетронутые «мошниковые» тока. Старик сам распалил во мне это желание, рассказав, как там уже с вечера «самосильно» точат десятки мошников и как помещик Толстой убивал там по пяти глухарей за утро. Дед каждый вечер обещает пойти туда со мною, но со дня на день! Под «разными предложениями откладывает наш поход.

— Годов десять не хаживал я туда. Опасно! Болотина там очень уемиста. Весной напрямик не пройти, а в обход и тропы, поди, не найти мне теперь.

Меня это сильно раздражало. Мы уже выполнили нашу деловую программу: побывали на «Стеклострое», осмотрели родину сороковки — Покровский завод. Мне надоело бродить по разбитым токам, где пеня глухарей жди, как столичных гастролеров в глухой провинции и где они поют так осторожно, что подбираться к ним приходится часами. Но старик упрям: с утра он снова начинает пугать меня своими «романтическими» рассказами.

— В Охотничий Бор никто с тобой не пойдет. Глухое место, нехоженное. Это все едино, что заказник: нельзя туда ходить. Кроме меня, туда и дорогу никто не знает. Был случай, — пошли туда лет тридцать два охотника, да так и не вернулись: черепки ихние года через три я нашел в вельге у ручья Устинки... А ружья так поржавели, что и на кочергу бы их баба не взяла. Вот... Я пять десятков охочусь, а всякий раз кружу на току, как слепая кобыла на молотье. Да и ружья у меня нет. А чего я без ружья с тобой пойду? Ты не барин. Я тебе не егеря. Приезжай на будущую весну, — ну, тогда може и пойду...

Это любезное предложение разъярило меня в конец. Я взял у знакомого комсомольца под залог в десять рублей старое дрянное шомпольное ружьишко, веком равное деду Корнею, (а ему уже стукнуло семьдесят лет), и предъявил леснику «ультиматум»: завтра мы отправляемся в Охотничий Бор.

На этот раз дед покорился моей настойчивости, но повел меня снова через Покровский завод.

1) На севере охотники тетеревов называют «полевиками», глухарей — «мошниками».

— С детьми повидеаюсь еще разок, а ты глянешь, как американец «машиной сороковки делает.

Пришлось и мне уступить старику. Да и в самом деле, нужно было взглянуть на механическое производство водочных бутылок. Я видел завод, но в тот день машины не работали.

На заводе мы задержались. У деда Корнея, как у библейского патриарха, оказалось там бесчисленное количество сыновей, дочерей и внуков. У всех мы должны были закусить свеженькой рыбки и отдать родственную честь сороковке. Дед мой к полдню неузнаваемо взбодрился и помолодел. На ток он вел меня так быстро, что я вынужден был просить у него передышки.

— Тоже молодой, — смеялся старик, — а итти против меня не можешь. Ты с песней иди, как я хаживал. Шагаешь двадцать верст и поешь: ноги за песней охотней поспевают.

— Эх! Как по травке, по муравке...

От завода мы двинулись берегом реки Песь. Часа в два проходили мимо «Стеклостроя». Я, порядком устав, предлагал деду подождать поезда. Путь на ток лежал верст пять по ветке. Но старик только посмеялся надо мной.

— Нет, итти, так уж итти. Надо поспевать на вечернюю зорю. «Слетку» непременно захватить. Есть, говоришь, захотевши? А мы на току пожуюм. Не умрешь! Мозоли мешают?... А ты на них не гляди: они перетрутся. Не уважаю вашего «Стеклостроя». Тоже «Новый быт»! Мужикам работы нет, а писарей полсотни кормят... Смотри, сколь бревен погноили.

С меня сошло уже десять потов, так утомительно было шагать болотами. Ноги проваливались в моховую грязь чуть не по колено. Я указывал деду на полосу «рудников», — так называл он высокие места, заросшие вековым сосняком, — и предлагал итти там, но он и слушать не хотел меня, тащился вязкими боло-

тами. Над нашими головами бились в истоме первые, одинокие комары.

— Видишь, комар толчет гущу — к теплу... Вот и надо попевать. А завтра у православных Егорьев день. А на Егория мошникам самый вар. Самосильно точат.

Чтобы в конец допечь, лесник начал угощать меня «конт-революционными» разговорами.

— И какие же теперь охотники пошли: курам на-смех. Вот в наше время, это да! У нас барин с барыней на лето приезжали, так что ты думаешь, — так вот сразу в лес шли! Э-э, нет! Мы силками птицу ловили, в деревню несли. Они на улицу с ружьями выходили. И барыня... Чего смеешься? Правду говорю. Это теперешняя баба только хвостом треплет, да каждый месяц по три раза в Закс бегают. А раньше баба была основательная. Птицу перед ними пушали, а они ее из ружьев в летку били. Прوماху не было. Не она, так он застрелит. Раз барыня в мальченку дробью угодила, так что ты думаешь — целую десятку барин пожаловал за это. Вот это охотники! А наш барин Толстов нам в Панике школу за-дарма соорудил. А Малашкино погорело так он, кроме своєю лесу, ссоры в городе по знакомым устроил. Это — барин! А ваши только и норовят, как бы с мужика побольше взять, а мужику — шиш на большевистском масле. Больницу видел на той стороне Песи? Он же построил. Вот! А ты говоришь...

Дед чувствовал, что за хороший ток он может измываться надо мной вволю и нес «веселую» чушь во всю.

— Ты думаешь Толстое на тока пехом ходил? Как ваш брат... Отродясь не было случая! От имения я его на лодке по Песи и Чагоде спускал, а тут верхами али на телеге.

— Да где он теперь-то — Толстой-то твой? — подзадорил я старика.

— Где, где? Известно ваши скушали. Ачтоб нешто я без него пошел. Мы завсегда с ним по токам хаживали. Больше ни с кем не хотел итти. Но последние годы я его уж не водил сюда.

— Да почему?

— А вот потому!... И с тобой то я седни сдуру потащился. Не хотел, ведь, итти. Знаю, место нечистое: как раз гляди на него нарвемся. Сколь раз со мной это было.

Пришел я раз туда с вечера. Сел на пеня у поляны. Ожидаю. Вдруг, с земли прямо из-под меня мошник как взымется за ним — другой. Как зашумят и рядом по елкам расселись. Глазами меня лопают. Я за ружье. Слышу: «не пуляй!» Что за прича такая? Мураши по коже. Думаю про себя: не покорюсь все едино. Только приложился, а в ухо опять как из-под земли: «не пуляй!» Я не удержался — стрельнул. И что тут сделалось! Гром пошел, треск, и перья как снег, аль пух из перины по воздуху. А потом опять ничего. И не убил. Вот оно как. Все это он натворил.

— Брось, дед, сказки то рассказывать.

— Сказки? Сын мой тожь по глупости, как ты, хорохорился, а взял его с собой, так что жь ты думаешь. Легли это мы ночью устамши у груды. Проснулся я о полуночи, гряда притасла. Лап, лап глазили вокруг: нет Егория! Насилу разыскал его на болоте: лежит без памяти и язык прикусил до крови. Он увел. Загубить хотел. Мотри, паря!...

На ток мы опоздали. Пришли в начале восьмого. Уже прокричали стороной, прокурлыкали беспокойно журавли. Глухари днями пасутся вблизи тока по клюквенным болотам, на место слетаются часам

к семи. Дед Корней долго искал самое место тока, стараясь подойти к нему с удобной лазейки, но непонятным для себя образом ввалился сразу в средину тока. Три мошника, резко хлопая крыльями, снялись с высоченных и прямых, как свечи, сосен.

— Ну, вот... Я же говорил: место нечистое. Никак к нему не подберешься. Так оно и вышло. Распугали птицу. Теперь — жди до утра.

— А может еще запоет где-нибудь?

— Может и запоет где-нибудь на кромке... Найди его там, сукинова сына.

Серые, злые глаза старика вдруг остановились на одной точке, ласково блеснули, морщинистое лицо заулыбалось и заиграло лучистыми искрами:

— Вот она! Гляди — еж оттаял. Пасется, свинушенок.

Под сосной, копошась острым носиком в корнях, и в самом деле лежал серый живой клубочек. Услыхав нас, он повел пяточком носа по воздуху и блеснул крошечным острым глазом. Я шагнул к нему. Еж моментально свернулся. Дед без всякой опаски взял его голой рукой и ласково заговорил:

— Врешь откроешься, дурашка. От меня не схоронишься.

Корней бросил ежа в лужу и тот сейчас же раскинулся и бойко заработал лапками, как заправский пловец. Перебравшись через лужу, быстро засеменял по зелено-желтой траве.

Вдруг дед, махнув испуганно кудельной бородой, сорвал с себя шапку и застыл неподвижно, вытянув шею, вытаращив глаза и смешно разинув рот.

— Мошник точит.

Я стал напряженно вслушиваться, но пеня глухаря не уловил. Из лесу неслошь цивиканье пташек, посвист, чирикание и щебетанье надоедливых дроздов, со всех сторон облегалo сплошным страстным стоном кваканье лягушек и свистящее шипенье тетеревов.

— Шагай за мной! Только гляди — аккуратней.

Шагов тридцать я прыгал за дедом, не слыша глухаря. Наконец, на остановке и я услышал прозрачно-четкое, но тихое цоканье птицы. Похоже было — кто-то осторожно выстукивал по металлу или резко бросал тяжелые капли в густую, но звонкую жидкость:

— Чо-о-ок. Чо-ок. Чок. Чк. Чк-чк-чк...

Редкое чоканье учащалось, переходило в дробь и заканчивалось низким, но бурным и страстным шипеньем. В секунды этого захлебистого, как бы безумно-затаенного трехкратного любовного шипа, мы делали наши три шага-прыжка, не разбирая, куда встанут ноги — в воду, грязь или ямину... Дед иногда, сурово сжимая седые брови, грозил мне недвижным кулаком. Это значило, что я запаздывал остановиться. Пеня доносилось до нас все отчетливей и живей.

— Два точат. Один поперед нас, другой тут слева — шепнул мне дед: — не сворошить бы которого.

Задача усложнялась. К двум птицам подойти трудно, почти невозможно. Корней раздумывал, и мы пропустили несколько колен пеня. Но нужно было на что-то решаться.

— Ты иди напрямик к этому, а я попытаю скрасть левого. Стрелить подлаживай, когда мой запоет.

И старик запрыгал в сторону от меня. Мой глухарь на минуту смолк, но скоро запел снова. Я уже начал всматриваться, ища по деревьям птицу, как невдалеке ухнул выстрел из шомполки. Мимо меня с беспокойным хлоптаньем быстро пролетела глухарка и уселась впереди на высокой сосне. Мой глухарь замолчал. Минут пять я ждал, что он снова шелкнет, — птица упрямо молчала. Вдруг сзади меня послыша-

лось чавканье шагов, — ко мне шел дед. Глухарка испуганно метнулась с дерева, а за ней сажень в пятидесяти от меня поднялся и глухарь, тяжело хлопая крыльями. Я начал ругать деда, зачем он поперся ко мне, но он, весело махая убитой огромной, черной птицей, лишь посмеивался надо мной:

— Чево же ты так тихо полз? Надо проворней. Мошник сноровку любит. Ты думаешь, он бы тебе после выстрела спел. Не-ет, шалишь, паря. Он не из таких. Ничего, не плачь, найдем еще. Не сейчас, так по-утру разыщем. Найдем.

Дед совсем развеселился и нисколько не смущался, что спугнул у меня глухаря.

— Ты сиди здесь и слушай. А я дале гляну. Если пойдешь вперед, с рудников в болото далеко не лезь: загрузнешь. Так кромкой и держи.

А я еще мошника найду. Не зря же я с тобой перся такую даль, а ты сам учишь промышлять. Выпить хочешь?

— Из кармана деда неожиданно блеснула непочатая бутылка водки. Я попытался отобрать ее у старика, но он, лукаво усмехаясь, снова запрятал ее в глубь кармана обругав еще раз теперешних господ:

— На охоту без водочки! Виданное ли это дело? «Новый быт».

И Корней, не раздумывая, неуклюже закачался на ходу меж стволов высоких сосен.

II.

Теперь я один. Начинаю внимательно осматриваться. Впереди меня большим верстовым кругом покоится желтое моховое болото, прорванное кое-где светлыми полосами воды. Тяжелый ковер болота охвачен со всех сторон исполинской сосновой короной, величаво лежащей по сплошному кольцу песчаного увала. По болоту легко бегут тонкими стволами обнаженные осины и березы. Над ними, среди них недвижно и крепко стоят палевые сосны и темнозеленые, узорно перистые ели. На зубцах сосновой короны розовеющими отливами играет потухающая весенняя заря. А вверху — в широком размахе, нежно темнея, голубеет ласковыми клоками небо. По небу плывут клубы сизых, северных облаков. На западе, над вершиной высокой сушины, незажившим светлым рубцом повис ущербный месяц. Совсем рядом с ним — бледным светом горит вечерняя большая звезда. Ниже их — розовой полоской падает, уходит за лес небо, пронизанное светом гаснущей зари.

Раня мое охотничье сердце, за лесом низко и выразительно прокорхал первый вальдшнеп. На вершине сосны широко каркает большой черный ворон. Бьет в кустах настойчивые трели соловей. Задумчиво, как бы в раздумьи — впервые этой весной — закукувала далекая кукушка.

Я осторожно пробираюсь между деревьев к болоту. Становится светлее и шире: это, неслышно падая в ночь, засыпает вечер. Издалека доносится резкое, звонкое ржанье зайца. Воздух делается прозрачнее и легче. Прожужжал майский жук и упал, ударившись о сосенку. Сосенка качнулась и снова застыла. Уже девять часов. Темнеет. Замолкли птицы, лягушки прервали свой страстный стон.

Но я во что бы то ни стало хочу услышать глухаря.

И вдруг мой слух кощунственно и грубо обжигает удар далекого выстрела.

«Опять стреляет дед», — остро завидуя, думаю я... — Иду дальше, стараясь не отбиться от кромки болота. Звончей и ближе гукнула кукушка. За лесом заохало невидимое

чудище — паровоз. Земля задышала сыростью и прохладой. Где-то с сухим кряхтаньем повалилось мертвое дерево.

«Нет, не услышать мне сегодня глухаря. Уже поздно»...

Я сажусь на старый пенек и без мысли всматриваюсь в болотную кочку, обросшую таежной, жесткой травой. Она вырастает, расплываясь в сумерках, в громадную гору. По ней бегут большие

Я осторожно пробираюсь к болоту.

желтые, зеленые, оранжевые пятна трав; остро торчащий из нее комель пня превращается в моих глазах в готическую башню... Я начинаю дремать под колдованье весенней ночи. Мир уходит из глаз, и только волшебная синева, изузоренная елями, не хочет уйти из моих прикрытых ресницами глаз... И вдруг в тишине до ужаса ясно слышу.

— Чо-о-ок. Чо-ок. Чок. Чк-чк-чк-чк-чк... Пышшипыши-пши-шиу-шшиу-шшиу!..

Рядом со мной на болоте запел глухарь... Он пел среди полной тишины. Ни один звук не нарушил его безумного покоя и не мешал его любовному неистовству. Его песня лилась непрерывно среди синей громады лесных пространств. Сквозь синие резные узоры елей, сквозь темное кружево сосен на меня оглушающе остро падали горячие, живые капли его любовных криков. Его пенье, обычно поражавшее меня глухотой и слабостью звуков, теперь было величаво, отчетливо и полно неприкрытой животной страсти. Он захлебывался, он плескался в своем шипении каплями горячей мужской крови.

Путь в сто шагов под пенью птицы измучил меня надеждами и отчаянием. Теперь я стал близко от него и уже видел его на большом суке высокой сушины. Иногда он умолкал на минуту, подвертывая голову, прислушиваясь, и затем, с новой силой бросал в немые пространства:

— Чо-ок. Чок. Чок-чок-чк-чк-чк-чк... Пышши-пыши-пши-пшиу-шшиу-шшиу-шшиу!..

Угольно-черный, мощный, он вытягивался вверх, раскачивая ветки дерева, с силой выбрасывал к небу хищно-благородную голову, распускал веером хвост, играл пышными перьями большого зоба и резко ударял по сосне острыми крыльями.

Еще десять шагов, и я мог бы стрелять в него, как вдруг в тишине глухо ухнули раз за разом два выстрела. Где-то опять забавлялся дед. Ужас сковал меня. Сейчас птица снимется и улетит. Глухарь дрогнул, сжался, замолчал, но не сдвинулся с места. Черным, огромным в моих зрачках комом застыл он в напряжении на темно-голубом небе. Минут десять длился тайный поединок человека и птицы. Я не дышал, я старался не показать птице своих глаз. Сверху спокойно-чутко следили за нами синие волшебные пространства... Как грубой ненужно затрещал в эти секунды козодой!.. И тотчас же умолк. И снова тишина синей ночи. Только где-то под ногами неслышно-мягко переливается вода да пугает стук собственного сердца и шум в ушах.

Птица, наконец, не выдержала, медленно подняла голову, осторожно повернула ее к потухшей заре, мотнула клювом — и глухо, отрывисто чокнула... Опять прислушалась и звончее: Чо-ок. Чок-чок. И опять замолчала, слушая... И снова тишина. Затем частое, частое чоканье. Сердце мое освобожденно и радостно вздохнуло. Я готов был двинуть ногой вперед, но глухарь оборвал чоканье и не начинал песни. Так он пытал своего невидимого врага до трех раз. Но я не тронулся с места, пока не прослушал дважды его непритворного, страстного шипенья. Черный певец уже над моей головой. Я вскидываю во время пенья ружье, но не могу поймать птицы на ствол (мушки совсем не видать) и снова жду песню. Наконец, ясно вижу, как на обресе дула кольшет воздух. Птица подергивается вперед, как бы собираясь взлететь, но тут же резко срывается вниз и падает на землю — к моим ногам...

Целый час сижу на пне и жду возвращения деда. Его нигде не слышать. Кричать я не решаюсь, так как все еще надеюсь на утреннюю охоту. Темную синь неба давно уже пронизали светлые весенние

звезды. Все звуки погасали. Деревья не шевелятся, спят. Меня начинает незаметно охватывать жуть одиночества. В голове невольно шевелятся мысли о медведях, и я перекидываю из патронташа в карман жакановские пули. А вдруг дед с пьяна уйдет один домой? — Ну, что же, вернется завтра за мной. — успокаиваю я себя. — А вдруг он утонет в водяной рытвине? — Я начинаю ругать себя за то, что не отобрал от него бутылки. Призраками бегут ко мне со всех сторон темные кусты... Кто-то невидимый шуршит в траве. Чтобы отогнать от себя смешные мальчишеские страхи и дать деду знать о себе, решаюсь развести костер. Березовый сушняк вспыхивает яркими языками, разбрасывая вокруг себя огненные искры. И сразу же в полосе огня вижу деда Корнея — встрепанного, мокрого, без шапки, без ружья, с таким же трепанным, как он сам, глухарем в руках. Он молчит и смотрит на меня осовелонапуганными глазами.

— Что с тобой, дед? Где ружье?

Вижу дядю Корнея — встрепанного, мокрого.

Дед минуту молча смотрит бессмысленно на огонь, затем начинает невнятно бормотать, ероша на затылке волосы.

— Утерял... А где, не помню. Убей меня, не помню. Не надо было ходить сюда, говорил тебе, — смелее продолжал он. — Место нечистое, как бог свят — нечистое...

— А ну-ка, покажи бутылку?

— Тоже там, — безнадежно махнул на лес Корней.

— Чего же ты не искал ружье-то?

— Где-ж его сыщешь? Только вот здесь, у рудника, обумилея. Хвать за спину, а ружья нет. А спина

мокрая. Не иначе — в воду попал. Я говорил тебе..

Я не сдержался и захохотал, глядя на конфузливую, наивную личину лукавого деда, уже протрезвевшего и понявшего свой позор.

— Чего хохочешь? — вдруг осерчал старик. — Ты ругай, ругай меня, седого дурака, а не смейся... В харю мне наплюй, бороду дери, волосы рви... Да чего ты костер палишь? Охотник тоже! Туши огонь, туши!.. В шалаш пойдём. У меня тут шалаш есть. Только брось смеяться. И старухе моей не рассказывай. Съест она меня, старуха-то... Живьем съест.

Утром глухари не пели. То ли напугали их наши выстрелы, то ли разогнала шнырявшая всю ночь по току сова, но только, несмотря на все старания деда нам не удалось найти поющей птицы. Когда совсем рассвело, стали искать ружье, но дед не мог припомнить, где он плутал. Снег в лесу уже стаял, следов на земле не оставалось, и я решил бросить это безнадежное занятие.

Исторический очерк

Мих. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА

Печатаемый ниже исторический очерк „Узники океанское Батилии“ обрисовывает почти неизвестные советскому читателю факты из жизни сосланных на острова Новой Каледонии, участников Парижской Коммуны. Великие в своей борьбе парижские коммунары — велики и а страдания. Жизнь сосланных в каледонскую каторгу — это трагическая и правдивая повесть о страданиях мрачного острова Ну, страшного Соснового острова, узниках тюрьмы полуострова Дюко. Окруженные океаном, охраняемые бездушной и тупой стражей, каледонские ссыльные проявили чудеса героизма, мужества и трогательной заботливости к своим ослабевшим в борьбе товарищам. Поэтому вдвойне близки и дороги нам эти люди, и как борцы за дело первой пролетарской революции и как мученики, мужественно переносившие ужасы кровавой расправы, тюрьмы и океанской каторги.

Основным материалом для очерка послужили „Воспоминания“ Луизы Мишель, написанные с удивительной простотой и задушевной искренностью...

1. КОНЕЦ КОММУНЫ.

Последний, 72-ой день Парижской Коммуны уходил в вечность. Страшен был прощальный, глухой залп из пушек с двойным зарядом. Это умирала упорствовавшая до конца баррикада коммунаров на Фонтэн-о-Руа. Это коммуна голосами пушек пропела свою лебединую песню. Бойцы Коммуны, уже запертые в казематы тюрьмы Сатори,

Парижские пролетарии дорого заплатили за свою Коммуна, несшая миру счастье и справедливость. И камеры тюрьмы огласились мощным кличем:

— Коммуна умерла!.. Да здравствует Коммуна!..

Парижские пролетарии дорого заплатили за свою Коммуну. Париж казался огромной могилой, залитой кровью и пламенем. Версальцы ходили по этому кладбищу, как мясники, с красными от крови руками. Из казармы Лобо кровь текла двумя ручьями, этот поток направился к Сене, и даже в воде реки долго еще можно было видеть кровавую струю. В казармах трещали митральезы, били людей как зверей на охоте. На тротуарах лежали горами трупы: мужчины, женщины, младенцы.

Так победившая буржуазия и вождь ее «кровавый карлик» Тьер расправлялись с ненавистной им Коммуной.

35.000 расстрелянных без суда коммунаров — официальная цифра жертв версальского террора — не соответствует действительности. Расстреляно было значительно больше. Но бастионы Версаля, Сатори, казематы Шантье и Арраской тюрьмы были еще набиты арестованными коммунарами. Здесь томились в ужасных условиях, умирали от голода и жажды, сходили с ума около 50.000 человек, в том числе 1.000 женщин и больше 600 подростков. Тогда началась мрачная комедия суда, неслыханное издевательство над справедливостью и достоинством человека. Комиссия из 15 палачей, названная по злой иронии «комиссией помилования» посылала осужденных на казнь, заботливо соблюдая все формальности, напоминая испанский обычай помещать осужденного на последнюю ночь в часовне. Комиссаром 3-го военного суда над коммунарами был назначен батальонный командир Гаво, выпущенный незадолго до того из сумасшедшего дома. Жутко было глядеть на его зверское беснование на суде. И приговоры суда скреплены печатью его безумия: 270 человек приговорены к расстрелу около 5.000 человек к ссылке на каторгу, 2.000 человек к долготелюму тюремному заключению, и т. д.

Но куда же направить такое громадное количество приговоренных на каторгу? Стены Оберива и Ларошеля по мнению многих спецов недостаточно крепки и надежны чтобы удержать эти тысячи отчаянных храбрецов Коммуны. И «комиссия помилования» во главе со своим председателем Тьером находит выход: бунтари будут сосланы на дикое острова Новой Каледонии. Там, на 20° южной широты охраняемые озверевшими жандармами и стражами,

еще более страшными акулами, пусть умирают коммунары медленной смертью от тропических лихорадок, укусов змей, непосильной работы и жгучей тоски по родине.

2. НА БОРТУ «ВИРГИНИИ».

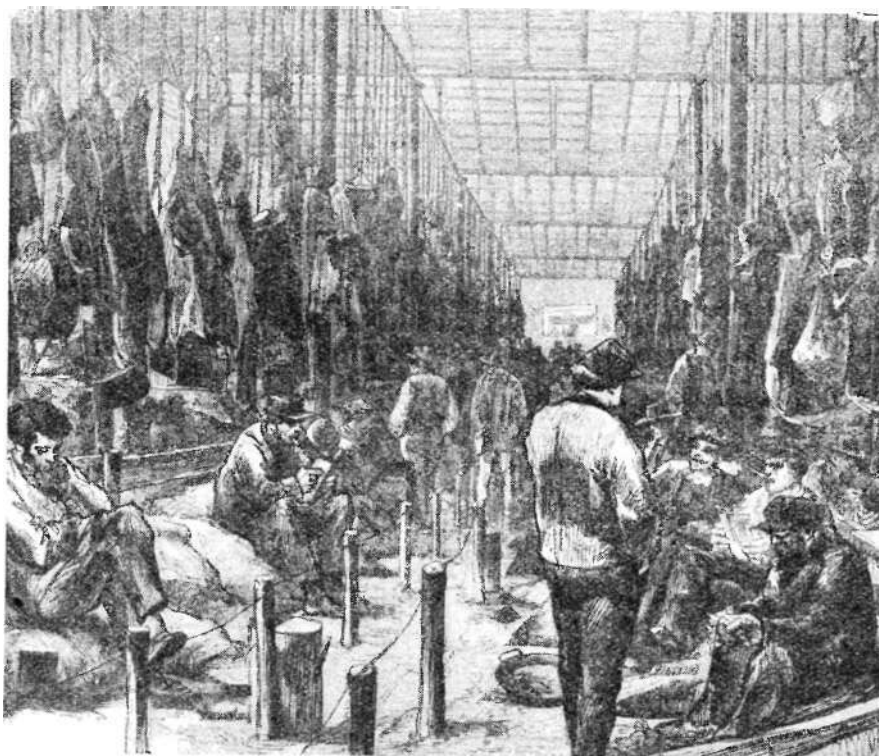
2 сентября из Рошфора вышел в море старый военный парусный фрегат «Виргиния». Это старое корыто, скелет корабля, был назначен морским министерством для отправки на Новую Каледонию ссыльных коммунаров. Фрегат был сдан на слом и только из-за каледонцев его снова спустили на воду. Но ведь не расхотелось же из-за каторжан на посылку в Тихий Океан хорошего парохода?.. А если старая «Виргиния» отправится вместе со своими пассажирами на дно, туда и дорога, меньше хлопот.

В нижних батареях фрегата, по маленьким клетушкам, похожим на коровьи стойла, были размещены ссылаемые на острова Новой Каледонии коммунары: мужчины, женщины, подростки, даже грудные дети, родившиеся уже

В подвалах Версаля.

в тюрьмах, всего около 500 человек. Здесь был весь цвет Коммуны, вся оставшаяся в живых ее старая гвардия: Анри Рошфор, редактор знаменитого «Фонаря», поляк Воловский, старый Малезье, ветеран революции, одежда

В трюме „Виргинии“

которого была продрыгана пулями, герой осады Нейль-Дакур, итальянский революционер Чиприани, юный поэт Мерио, журналист Марото, бывший мичман Конье, смертник Этьен, старик Краузе, из штаба Домбровского, Провен—храбрый барабанщик Коммуны и много других. Из женщин в ссылку отправлялись: Луиза Мишель, гениальная агитаторша, прозванная «Красной Девой», старушка Луи, двенадцатилетний ребенок Евгения Тиффо, красавица Руссо-Брюто, прозванная в шутку «маркизой», Лемель, не хотевшая пережить коммуны и в день ее падения покушавшаяся на самоубийство, русская девушка Орловская, Августина Шиифон и другие.

Сквозь люки верхней палубы коммунары видели, как расстаяли на горизонте подобно фиолетовой дымке родные берега Франции. И тотчас же, какое-то странное судно пошло в кильватере «Виргинии». Оно то ставило всю парусину, нагоняя тяжелый на ходу фрегат, то замедляло свой ход. Вечером обеспокоенный капитан «Виргинии» приказал дать два предупредительных выстрела из пушек крупного калибра. Судно тотчас исчезло. Но лишь наступила ночь, во мраке снова забелели паруса таинственного судна. На рассвете оно снова скрылось, и на этот раз уже навсегда.

Кто был на этом таинственном судне? Не друзья ли, хотевшие освободить ссыльных коммунаров?..

22 сентября на мачтах «Виргинии» зашелестели крылья чаек. Фрегат подошел к Канагским островам, вдали облачным мирражем встала голубая вершина мыса Тенериф. Коротенькая остановка на Канарских островах дала возможность немного передохнуть изменчивым качкой коммунарам. А затем снова океан, беспредельная водяная равнина, вой ветра в снастях, скрип корабельных досок. Вблизи мыса Доброй Надежды «Виргиния» попала в сферу урагана. Старый фрегат плохо боролся с ветром и волнами. Полуразбитый, давший течь, он жалобно скрипел, словно стонал от боли, готовый развалиться. В трюме фрегата, в этих человеческих загонах—угрюмая подавленная тишина, лишь плачут от ужаса маленькие дети. Подгоняемая ураганом «Виргиния» пролетела берега Бразилии, пере-

секла тропик Казерога, с каждым днем, с каждым часом уходя все южнее и южнее.

Пленники этого «невольничьего корабля» уже начали страдать от холода в своих сырых клетушках. А однажды, глубокой ночью на палубу фрегата густыми хлопьями повалил снег. «Виргиния» вступила в Южный Ледовитый Океан. От холода, сырости, плохого питания среди ссыльных начались заболевания цынгой. Болезнь валила с ног даже взрослых и физически здоровых людей: Рошфора, Лемель, Руссо-Брюто, На детей-же нельзя было смотреть без слез, посиневшие, обезсилившие они не могли даже плакать. Коммунары, громко заявившие жалобу, тотчас были посажены в карцер. В темной норе, в самой глубине трюма сидели они в ножных кандалах без еды и питья. И когда страдания стали невыносимыми, когда казалось, оставайся один выход—За борт, с салинга пролетел долгожданный крик: — Земля!..

Коммунары, бросившиеся к пушечным люкам, увидели мрачные скалы острова Ну, принадлежавшего к архипелагу Новой Каледонии.

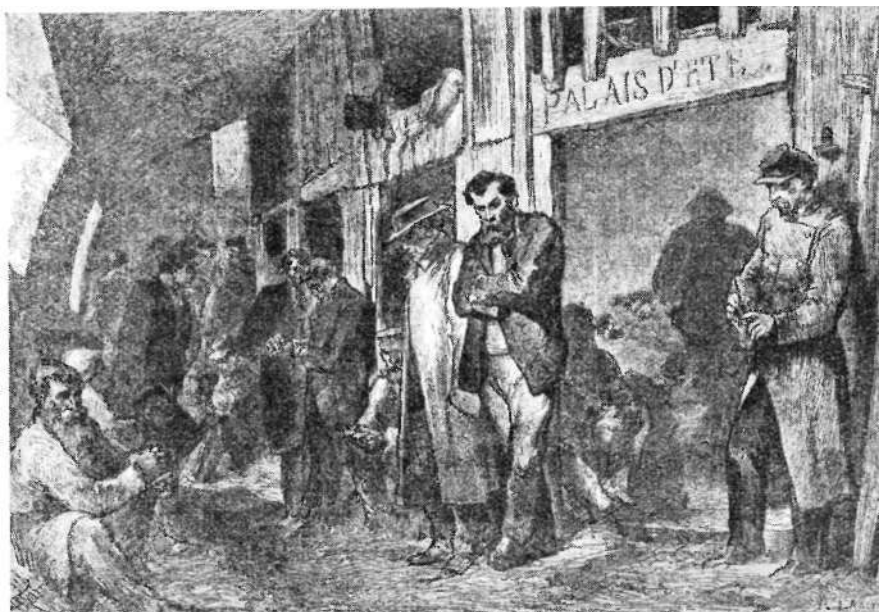
3. В СТРАНЕ ЦИКЛОНОВ.

«Виргиния» бросила якорь вблизи полуострова Дюко. Пройдя наиболее безопасным, узким проходом между двумя коралловыми поясами, фрегат вошел в Нумейскую бухту. Ссыльные увидели, точно в Риме, под ярко-синим небосводом— семь голубых холмов, а чуть дальше Монд д'Ор весь в расщелинах, из которых проглядывала красная, первобытная почва. Повсюду—горы, с песчаными вершинами, с зияющими ущельями. Одна из гор расселась на две части, образуя как бы цифру V.

Ссыльные поднялись на палубу. Яркий свет солнца, стальной блеск моря заставили зажмурить их глаза, привыкшие к полумраку трюма. Начальник транспорта делал перекличку:

— Рошфор, Воловский, Пассруэ... Рошфор рассмеялся в лицо начальнику: — Не думаете ли вы, что мы могли бы убежать в открытом океане? Акулы—слишком хорошие стражники...

За мужчинами наверх поднялись женщины. Героини Коммуны, узнав, что их хотят отправить не на полуостров Дюко вместе с мужчинами, а в Бурайль, на том основании, что условия жизни там лучше, энергично запротестовали.

Версальские конюшни, где томились коммунары до каторги.

Луиза Мишель выступила вперед: — На баррикадах мы стояли плечо к плечу с мужчинами, а потому не желаем, чтобы и здесь нам жилось лучше их. И если вы всё-таки повезете нас в Бурайль, мы бросимся в море...

Пораженный их стойкостью начальник уступил. Женщины были отправлены на полуостров Дюко. Здесь для ссыльных были уже приготовлены ранчо из глины смешанной с соломой. Коммунары с удивлением осматривали незнакомую им тропическую природу.

— Нам не убежать отсюда. Это океанская тюрьма — страшнее Бастилии. Нас стрегут жандармы, океан, его циклоны и акулы...

— И все-таки я попробую удрать! — бодро откликнулся Анри Рошфор.

4. ОКЕАНСКАЯ КАТОРГА.

Ссылные на полуострове Дюко жили в маленьких ранчо, хижинах, построенных ими самими из глиняных кирпичей, высушенных на солнце. В таких хибарках мученики Коммуны должны были отсиживаться в периоды тропических ливней и циклонов, часто бушевавших над архипелагом.

Боле слабые из ссыльных уже начали гибнуть. Жгучая тоска по родине грызла их сердца, они начали чахнуть, умирать скорострительно. Когда приступы тоски становились особенно острыми, страдальцы схватывали мотыги и начинали яростно долбить землю. Это называлось у них обрабатывать «поле тоски». Но все чаще и чаще по горным дорогам начали тянуться по направлению к кладбищу погребальные процессии. Первым умер Бэрэ, именем которого и было названо кладбище; за ним отправился Пассдуэ, синеглазый ребенок Евгения Пиффо, Теофиль Плас. Однако поселок ссыльных был потрясен ужасным известием: юный поэт Мерио покончил с собой в приступе мучительной тоски. Его похоронили под зелеными, священными для туземцев неули...

Ссылные острова Соснового были лишены сношений с внешним миром даже в большей степени, чем поселенцы полуострова Дюко. Их письма проходили через руки администрации.

Многие из ссыльных о. Соснового не выдержали одиночества и сошли с ума. Первым помешался Грандьё, редактор газеты «Призыв». Он каждый день ходил на берег и смотрел в ту сторону, где за океаном лежит милая Франция. Администрация отказалась поместить его в больницу. Однажды он, с хитростью сумасшедшего, обманул приглядывавших за ним друзей и скрылся. Но следующим же утром нашли его в кустах, недалеко от дороги, ведущей к морю. Грандьё был уже мертв. Четверых с о. Соснового казнили за то, что они, потеряв терпение, в припадке временного помешательства поколотили одного из надзирателей. Они шли на казнь с песнями, зная, что смерть избавит их от невыносимых мук океанской Бастилии.

Но самым мрачным из адских кругов был остров Ну. Здесь были заключены самые испытанные бойцы Коммуны. Они были скованы двойной цепью и волочили на ноге ядро, рядом с теми уголовными преступниками, которые считались наиболее закоренелыми: бандитами, убийцами, отравителями. Последние вначале всячески издевались над коммунарами, но под конец стали уважать их за мужество и стойкий героизм.

Невыносимо печет солнце. По обнаженным склонам холмов медленно тянется вереница людей. На согнутых спинах их гигантские стволы эвкалиптов. Эту мучительную ношу узники о. Ну должны перетаскать через прибрежную возвышенность, миновав болото, в судостроительную верфь. Недавние члены Коммуны идут в ногу с воорами и убийцами. Кандалы зловеще тремтят, ударяясь о камни. Над всей толпой стоит легкий, едва уловимый стон. Вот один из коммунаров, с глазами подведенными болезненной тенью, зашатался игрался и рухнул под тяжестью бревна. Из горла страдальца хлынула кровь. Это Альфонс Эмбер, один из трех редакторов газеты «Пер Дюшен». Свистнул кнут положив змеевидный, рубец на вздрагивающую спину умирающего. И тотчас же раздался звенящий негодованием крик остальных ссыльных:

— Вы злоупотребляете вашей властью. Сами доводите до полусмерти, а потом бьете!.. Собаки!..

— Молчать, падаль!.. Работать не хотите, ваше дело революции устраивать!..

Снова свистит кнут. Вопли, крики сдавленный хрип. Сегодня на кладбище Бэрэ прибавится еще несколько могил. Это страдальцы о. Ну уйдут навсегда из этого мира.

В первые годы ссылки, коммунары не раз пробовали бежать с острова Новой Каледонии. Но побег не удавался. Для погони за беглецами администрация выдрессировала наиболее из диких туземцев-канаков, развратив их подарками, подарками, а главным образом спиртом.

5. ВОССТАНИЕ КАНАКОВ.

Но не все туземцы канаки были развращены каторжной администрацией, не все они служили в туземной полиции. Большая часть их не смогла вынести притеснений французов и восстала под предводительством вождя Атаи. Восстание охватило несколько туземных племен. Из земли был выгнут камень войны и канаки поклялись отомстить «злым белым». Белые тоже вооружились. Против копий, дубин и пращей канаков были двинуты скорострельные игольчатые ружья «Лебеля» и горные гаубицы.

Однажды ночью, когда океан ревел от бурных порывов ветра, в дверь ранчо Луизы Мишель кто-то постучал.

— Кто там? — спросила Луиза.

— Тайо... Тайо, — послышался в ответ таинственный шопот. Луиза успокоилась: «тайо» по-канаки — друг. Действительно это пришли друзья коммунаров — канаки. Они отправлялись к восставшим трибам и зашли проститься с «добрыми белыми». Возмущенная Луиза Мишель взяла свой красный шарф развевавшийся на баррикадах Коммуны, который она сумела сохранить, несмотря на тысячу трудностей, и передала его канакам.

— Это самое дорогое, что у меня осталось, — сказала Луиза. — Если нам не удалось дело свободы, пусть же удастся оно вам...

Канаки, несмотря на свирепую бурю, вплавь переправились через залив и к утру доставили своему вождю Атаи красный шарф Луизы. Тот привязала его к древку своего боевого копья.

Восстание канаков было потоплено в крови; мятежные трибы были наказаны расстрелом каждого десятого. Вождь Атаи был предательски ранен из-за засады подкупленным белыми канаком же Сегона. Солдаты республиканской Франции прикончил вождя ударами прикладов. Голова его была отослана в Париж. Мертвые глаза вождя увидели полуразрушенные стены Тююльери, свидетельствующие о том, что его друзья тоже умирали, но не сдавались в борьбе с их общим врагом, правительством «кровожадного карлика». Администрация каторги донесла также в Париж, что на копье убитого вождя было найдено алое знамя Коммуны...

6. НА СВОБОДУ!..

... Над бухтой Нумей тяжелыми раскатами прогремели три пушечных выстрела.. В хижинах поселенцев тревога сменялась надеждой: троекратный залп — знак, что с острова бежали ссыльные. Побег был обнаружен в субботу, на переключке. На вызов надзирателя — Оливье!.. Пена!.. Грантиль!.. Рошфор!..» — ответом было молчание. И лишь после большой паузы из рядов вылетело насмешливое:

— Рошфор уехал зажигать фонарь 1).

Администрация каторги растерялась. Под рукой не было даже кораблей для преследования бежавших. На одном из судов уехал для обследования архипелага губернатор каторги, другой корабль крейсеровал где-то у берегов о. Соснового. Через 48 часов в районе полуострова Дюко всплыла лодка, на которой беглецы добрались до иностранного корабля, а через месяц обнаружился и след бежавших: они были уже в Лондоне, в полной безопасности, недосыгаемые для рук версальского правительства.

После бегства Рошфора и его друзей, администрация усилила надзор за поселенцами. По холмам, окружавшим поселок коммунаров, на полуострове Дюко расставили часовых. Всю ночь с холма на холм летела протяжная переключка сторожей: — Слу-у-шай!..

Узники о. Соснового тоже пытались бежать. 12 человек из них на самодельной барке покинули остров. Через два дня их судно, полуразбитое прибило волнами к полуострову Дюко. В барке не нашли ни клочка бумаги, ни клочка одежды. Что случилось с бежавшими — неизвестно, в Европу они не вернулись.

Обломки их барки выбросило на берег в день Парижской Коммуны, 18-го марта. В этот день, в больничном бараке каторги умирал от чахотки журналист Марото Сидя у его койки Луиза Мишель писала:

«Слабые гибнут. Умер Пассдуэ, покончил самоубийством Мерио, умирает Марото. Но большинство из нас, сильные духом, живы. Мы живем на зло господам из Версаля. Пять лет каторги не сломили нас. И мы еще вернемся, вернемся, чтобы отомстить за погибших друзей...

*) Намек на «Фонарь» — газету, издававшуюся А. Рошфором.

В 1928 г.

Вокруг Света

В 1928 г.

**ДАЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ ВОЗМОЖНОСТЬ
НА ОСОБО ЛЬГОТНЫХ УСЛОВИЯХ
ПОДПИСАТЬСЯ НА СЛЕДУЮЩИЕ ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

А. КОНАН-ДОЙЛЯ

Д. КЭРВУДА

Г. УЭЛЛСА

В рознице цена на сочинения указанных авторов 16 РУБЛЕЙ.

В рознице цена на сочинения указанных авторов 16 РУБЛЕЙ.

А. КОНАН-ДОЙЛЬ — увлекательный рассказчик разнообразных приключений известного Шерлока Холмса, общепризнанный мастер исторического романа, занимательный автор научно-фантастических произведений. Читатели нашего журнала получают лучшие, наиболее талантливые и увлекательные произведения этого автора: рассказы о Шерлоке Холмсе, исторические повествования о французских гугенотах и бегстве их в Америку, о временах английской революции, научную фантастику о доисторической поре жизни или о том, как земля попала в ядовитый хвост кометы.

8 книг: Приключения Шерлока Холмса. — Новые приключения Шерлока Холмса. — Воспоминания о Шерлоке Холмсе. — Баскервильская собака. — Изгнанники. — Потерянный мир. — В ядовитом хвосте. 1700 страниц иллюстрированного текста. Подписная цена 3 р.

Д. КЭРВУД — современный американский писатель, убежавший еще школьником в Канаду, чтобы сделаться траппером. Вернувшись к городской жизни, он поделился своими наблюдениями над пленившей его жизнью Севера и стал знаменитым автором приключенческих романов и прекрасным рассказчиком из жизни природы и животных. Если самые необычайные приключенческие романы усваиваются читателем, как подлинные происшествия, то в своих полных движения и красок рассказах о животных автор обнаруживает изумительное проникновение в переживания четвероногих обитателей снежных пустынь. У Кэрвуда не только люди, но и звери живут полной и напряженной жизнью, победа следует за поражением, радость за страданием.

8 книг: У истоков реки. — Долина молчания. — Пылающий лес. — Мужество капитана Пльума. — Бродяги севера. — Старая дорога. — Золотая петля. 1500 страниц иллюстрир. текста. Подписная цена 2 р. 50 к.

Г. УЭЛЛС — известный автор научно-фантастических романов, в которых он с непревзойденным мастерством касается самых разнообразных тем нашей жизни. Он заставляет читателя вместе с собой путешествовать на особой машине в глубь веков и заглядывать в отдаленное будущее; он так изображает нападение жителей Марса на нашу землю, что каждый переживает эту фантастику, как реальное происшествие; он изобретает особый состав пищи, который удешевляет размеры каждого живого существа; он описывает первых людей на луне и их необычайные встречи с селенитами; он соединяет тело животного с мозгом человека и создает разнообразных человеко-зверей. Широкая фантазия Г. Уэллса настолько тесно спаяна с наукой, так ею оправдывается и объясняется, что невольно заставляет читателя верить в действительность самого необычайного происшествия или изобретения.

8 книг: Первые люди на луне. — Борьба миров. — Остров д-ра Моро. — Когда спящий проснется. — Пища богов. — Невидимка. — Страна слепых. — Машина времени. 1500 страниц иллюстрированного текста. Подписная цена 2 р. 50 к.

Общая подписная цена — 7 рублей.

Каждый может подписаться на любое собрание сочинений указанных авторов или же на все сразу. При подписке на сочинение какого-либо одного автора следует переводить стоимость его сразу, при подписке же на произведения всех трех авторов допускается следующая рассрочка: при подписке — 3 руб., к 1 апреля — 2 руб. и к 1 июля — 2 руб. Книги будут выходить в свет с февраля 1928 года ежемесячно. Заказы и деньги направлять непосредственно в издательство: Ленинград, 2, Фонтанка, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на

1928 „ВОКРУГ СВЕТА“ **1928**
ГОД ГОД

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти до 10-ти печатных листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ И Т. П.)

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год	8 р. — к.	На три месяца	2 р. 20 к.
На шесть месяцев	4 р. 20 к.	На один месяц	— р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресующимся прямо в издательство, — рассрочка:

При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июня — 2 р. и к 15 сентября — 2 р.

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год	4 р. 50 к.	На три месяца	1 р. 25 к.
На шесть месяцев	2 р. 30 к.	На один месяц	— р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек „По суше, морю и воздуху“; третий заполнен романами и повестями лучших заграничных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк Лесника о рыбной ловле с рядом практических советов и указаний). Озерной край. (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). Наш спорт. (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). Современная Америка. (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). Три океана. (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как и их современное значение в международной жизни). Умелю рукой. (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

„ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“ (6 книжек)

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира. В 1928 году в эту серию войдут книжки А. Лебедеико „Великие полеты“. А. Гейне „Он искал приключений“. К. Хайн. „Новые приключения капитана Кэтли“. (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя). Де-Верс-Стэнпул „У тропиков“ и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей.

З. Грей. „На дальнем Западе“. (Автор-знаток американской жизни и дает на романтической основе отчетливый образ любопытной и странной для нас жизни). Е. Д. Биггерс. „Дом без ключа“. (Детективный роман. В тропической обстановке Гавайских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). М. Твэн. „Янки при дворе короля Артура“. М. Твэн. Рассказы. Г. Флерон. Из жизни зверя. Д. Уестертон. „Тайна патера Брауна“. Р. М. Баллантайн. „Коралловый остров“. (Приключения трех юношей, выброшенных бурей на необитаемый остров) и друг.

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфаек и трусиков.	12 электрических фонарей.
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ ♦ ПОРТФЕЛИ ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЕ

ИЛИ ДРУГИЕ ВЕЩИ, ПО ИХ ВЫБОРУ.

Подписавшимся с 1-го января все вышедшие №№ журнала и приложений будут досланы.

Заказы и деньги направлять: Ленинград, 2, Фонтанка, 57, „ВОКРУГ СВЕТА“